

A romantic couple embracing at sunset. The woman is kissing the man's cheek, and her hand is on his shoulder. The background shows a city skyline with the Gateway Arch in St. Louis, Missouri, under a golden sunset sky.

ДЖУДИТ МАКНОТ

*Триумф
нежности*

Богиня!

Джудит Макнот
Триумф нежности

«Издательство АСТ»

1983

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макнот Д.

Триумф нежности / Д. Макнот — «Издательство АСТ»,
1983 — (Богиня!)

ISBN 978-5-17-097443-6

Высокий смуглый аристократ с гордым испанским профилем сумел бы с ходу завоевать сердце любой женщины, но только не Кэтрин Конелли. Так считала эта независимая девушка, пока не встретила с мужественным, загадочным Рамоном. От этого мужчины буквально исходил чувственный аромат пуэрториканских ночей, и не поддаться его обаянию было совершенно невозможно...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-097443-6

© Макнот Д., 1983
© Издательство АСТ, 1983

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джудит Макнот Триумф нежности

Judith McNaught
TENDER TRIUMPH

Печатается с разрешения автора, литературных агентств Curtis Brown LTD и Synopsis.

© Eagle Syndication, Inc., 1983

© Перевод. А. Б. Суворова, 1996

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Глава 1

Высокий темноволосый мужчина стоял у окна фешенебельной квартиры в пентхаусе¹, отрешенно глядя с высоты небоскреба на панораму мерцающих огней ночного Сент-Луиса. Горечь и усталость сквозили в резких движениях Рамона Гальварры, когда он, дернув за узел, ослабил галстук и, подняв бокал скотча, одним глотком почти осушил его.

В тускло освещенную гостиную стремительно ворвался взволнованный молодой блондин.

– Ну, что они там решили, Рамон? – нетерпеливо спросил он.

– А ты как думаешь? – огрызнулся Рамон. – Своя рубашка ближе к телу, дорогой Роджер.

– Вот сволочи! – взорвался Роджер.

В бессильной ярости он запустил руку в волосы, затем решительно шагнул к бару.

– Думают, пока старый черт был с тобой, деньги сыпались сами! – Роджер со злостью плеснул в бокал бурбон.

– Что ж, тут они принципиальны, – саркастически заметил Рамон. – Если бы золотой дождь продолжался, они стояли бы за меня горой.

Роджер щелкнул выключателем: при виде мебели в стиле Людовика XIV его передернуло. Сейчас она казалась насмешкой.

– Если бы ты только рассказал, в каком состоянии был отец перед смертью... Я уверен, банкиры поддержали бы тебя. Нельзя же валить на тебя все его грехи!

Отвернувшись от окна, Рамон прислонился плечом к оконной раме, какое-то мгновение смотрел на оставшийся в бокале скотч, затем залпом допил его.

– Но я же не помешал ему грешить.

– Не помешал! – яростно повторил Роджер. – Да как ты мог все предвидеть?! Этот человек всю жизнь вел себя как Господь Бог, а под конец, кажется, в самом деле себя им вообразил! Глупость за глупостью, пока все не пошло коту под хвост! Ну хорошо, пусть бы ты оказался ясновидящим! Что ты мог сделать? Контрольный пакет акций – у него, а не у тебя. До последнего дня он распоряжался всем в корпорации единолично. У тебя руки были связаны.

– Теперь развязаны, ну и что? – Рамон пожал плечами.

– Слушай, – в голосе Роджера звучало отчаяние, – я не заводил этот разговор раньше, чтобы не задевать твою гордость, но ты же знаешь, я далеко не беден. Сколько тебе нужно? Если у меня нет таких денег, может быть, я смогу достать.

Впервые за это время безжалостно-властное лицо Рамона Гальварры – холодный слепок древнего испанского благородства – смягчилось. Он улыбнулся одними глазами:

– Миллионов пятьдесят помогли бы, а лучше – семьдесят пять.

– Пятьдесят миллионов? – растерянно повторил Роджер, уставившись на своего старого приятеля по гарвардской студенческой скамье. – Помогли бы... или спасли бы?

– Помогли бы, Роджер. Не очень сильно.

Резко поставив бокал на мраморный стол, Рамон повернулся и направился в комнату, которую он занимал с того дня, как на прошлой неделе появился в Сент-Луисе.

– Рамон, – озабоченно произнес Роджер, – тебе нужно встретиться с Сидом Грином, пока он здесь. Он сможет достать эту сумму, если захочет, и к тому же он тебе обязан.

Голова Рамона резко дернулась. Его лицо исказила гримаса.

– Если бы Сид хотел помочь, он связался бы со мной. Он знает, где меня искать. Что я в затруднительном положении, он тоже знает.

– Ты уверен? До сих пор ты хранил в тайне, что корпорация терпит крах.

¹ Пентхаус – постройка на крыше небоскреба.

– Знает, будь спокоен. И вместе с правлением банка не хочет, чтобы мне продлевали выплату ссуды.

– Но...

– Нет! Если бы Сид хотел помочь, он не бездействовал бы так красноречиво. Просить я не стану. Через десять дней я собираю аудиторов и адвокатов корпорации в Пуэрто-Рико и объявляю о банкротстве.

Повернувшись, Рамон стремительно вышел из комнаты, с трудом сдерживая гнев.

Когда он вернулся, его густые черные волосы были влажны после душа. На нем были старые потертые джинсы. Роджер молча смотрел, как Рамон закатывает рукава белой рубашки.

– Рамон, пожалуйста, задержись на неделю. А вдруг Сид что-нибудь предпримет? Кажется, его сейчас и в городе нет.

– Он в городе, а я уезжаю в Пуэрто-Рико через два дня. Это решено.

Роджер тяжело вздохнул:

– Какого черта ты собираешься делать в Пуэрто-Рико?

– Нужно проследить за банкротством корпорации, а потом я займусь тем же, что делали мои предки, – нехотя ответил Рамон. – Я собираюсь обрабатывать землю.

– Ты в своем уме? – вспыхнул Роджер. – Обрабатывать клочок земли? Уж не та ли это лачуга, где мы с тобой однажды развлекались с девочками?

– Довольно! – прервал Рамон. – Этот клочок земли – все, что у меня есть. Вместе с домом, в котором я родился.

– А что с домом около Сан-Хуана, виллой в Испании, что с островом в Средиземном море? Продай один из домов или остров – и будешь купаться в роскоши до конца дней своих.

– Они проданы с аукциона, иначе корпорация не смогла бы возместить ущерб. А банки, которые ссужали деньги, кружат, как стервятники.

– Черт бы все побрал! – беспомощно пробормотал Роджер. – Если бы твой отец не умер, я бы сам его придушил.

– Боюсь, тебя бы опередили акционеры, – горько усмехнулся Рамон.

– Как ты можешь острить, как будто это тебя не касается?

– Я уже смирился с поражением, – хладнокровно произнес Рамон, – я сделал все, что мог.

И я не вижу ничего страшного в том, чтобы трудиться на своей земле, среди людей, которые веками работали на нашу семью.

Зная, что друг не выносит сантиментов, Роджер отвернулся, скрывая выражение лица:

– Рамон, я могу сделать для тебя хоть что-нибудь?

– Да.

– А что именно? – радостно спросил Роджер, бросая взгляд через плечо. – Давай говори, я все сделаю!

– Ты не смог бы дать мне на время твою машину? Я хотел бы поехать один.

Просьба была пустяковая – Роджер полез в карман и бросил ключи другу.

– Есть проблемы с подачей топлива и с фильтром, а ремонт сделают только через неделю.

Так что, если тебе повезет, машина заглохнет посреди улицы уже сегодня вечером.

Рамон пожал плечами, его лицо было отрешенным.

– Если это случится – пойду пешком, нужно привыкать к сельской жизни.

– Слушай, не строй ты из себя бедного крестьянина! Ты был и остаешься крупной фигурой в международном бизнесе.

Рамон стиснул зубы, ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы усмирить бушующую в нем ярость.

– Фигурой крупного неудачника. В международном бизнесе у меня теперь репутация неудачника, и этого мне не простят. Не попросить ли у друзей рекомендацию «великий неудач-

ник»? А может, стоит прийти завтра на твою фабрику и подать заявление на работу в брючный цех?

– Не юродствуй! Но ты можешь что-нибудь придумать! Ты за несколько лет построил финансовую империю. Найди теперь способ спасти хотя бы ее часть. Мне не верится, что...

– Хватит с меня миражей! – отрезал Рамон. – «Лир» стоит в ангаре в аэропорту. Не в порядке один из двигателей. Как только его починят и в воскресенье вечером вернется мой пилот, я улетаю в Пуэрто-Рико.

Роджер открыл рот, чтобы возразить, но Рамон взглядом заставил его замолчать.

– А возделывать землю, мне кажется, – это куда большая честь, чем иметь дело с банкирами. Пока мой отец был жив, я не знал мира в моей душе. Он умер, но я не нашел покоя. Теперь пришла пора поисков.

Глава 2

Ночью в пятницу огромный бар гостиницы «Глубокое ущелье» неподалеку от Восточного порта был, как всегда, полон.

Кэти Конелли рассеянно взглянула на часы и устремила взор поверх смеющейся, пьющей, болтающей толпы, отыскивая того, кого ждала. Но главный вход ей загороживали пышные растения, свисающие из огромных кашпо, и ручной работы макраме, бросавшие при свете шелковых ламп длинные тени от пола до витражных стекол потолка.

Улыбаясь, Кэти рассматривала окружающих.

Какой-то мужчина наступил Кэти на ногу, стараясь дотянуться до стойки бара. Затем он долго доставал из кармана монеты и отпихнул Кэти локтем. Мужчина не принес извинений, впрочем, она и не ожидала их. Здесь царило равноправие.

Отвернувшись от стойки с рюмкой в руке, мужчина заметил Кэти.

– Привет... – Он сделал паузу, бросив заинтересованный взгляд на стройную, гибкую фигуру в облегающем голубом платье. – Неплохо, – сказал он, откровенно разглядывая ее.

Он обратил внимание на светлые волосы с отливом, волной спадающие на плечи, сапфировые глаза, оттененные длинными загнутыми ресницами, безупречный подбородок и аккуратный носик. И пока продолжал ее изучать, на персиковом лице Кэти проступил легкий румянец.

– Очень неплохо, – резюмировал мужчина.

Уставился как в магазине, даже не понял, что покраснела она отнюдь не от удовольствия! Впрочем, здесь, в конце концов, бар, а в баре своя этика.

– Где твоя рюмка? – поинтересовался он, лениво рассматривая ее красивое лицо.

– У меня ее нет, – ответила Кэти, утверждая очевидный факт.

– Почему?

– Я уже выпила две.

– Хорошо, почему бы тебе не взять еще одну и не пойти со мной вон туда? Я адвокат, – добавил он, словно сообщал что-то безумно приятное.

Кэти поджала губы и взглянула на него нарочито разочарованно.

– Что такое?

– Терпеть не могу адвокатов.

– Очень жаль, – пробормотал он ошарашенно.

Пожав плечами, адвокат повернулся и начал прокладывать себе путь в толпе. Кэти увидела, как он остановился возле двух очень привлекательных девушек. Обе поощрительно улыбнулись в ответ на оценивающий взгляд.

На нее нахлынуло отвращение к нему, ко всей этой шумной толпе и в особенности к себе – за то, что она находилась здесь. В душе Кэти была смущена своей грубостью, однако места, подобные этому, вызывали необходимость защищаться, и ее природная деликатность испарялась, как только она переступала порог подобных заведений.

Адвокат, конечно же, мгновенно позабыл о Кэти. Да и зачем ему тратить впустую два доллара на выпивку, пытаться очаровывать ее! Зачем напрягаться, если в этом не было необходимости! Если бы Кэти или какая-нибудь другая девушка захотела познакомиться с ним, он был бы не против. Давайте, девушки, старайтесь, интригуйте! И если она будет в ударе, он даже пригласит ее к себе домой – на ее машине, разумеется, чтобы заняться сексом. После чего он с удовольствием с ней выпьет и – если, конечно, не слишком устанет – проводит до двери. А дальше пусть добирается до дома сама.

Так просто и буднично, никаких привязанностей. Никаких обязательств, впрочем, их никто и не ждал.

Кэти подняла глаза, ища в толпе Роба и жалея, что предложила встретиться именно здесь. Музыка звучала слишком громко, перекрывая высокие голоса и неестественный смех толпы. Она разглядывала лица, окружавшие ее, такие разные и такие похожие, искаженные откровенной похотью.

– Да ведь это Кэти! – раздался позади нее незнакомый мужской голос.

Вздрогнув, Кэти повернулась и увидела самоуверенно улыбающегося мужчину. Она отметила хорошо сшитый блейзер, великолепный галстук и пуговицы на рубашке от Леже.

– Мы познакомились две недели назад в супермаркете.

У него были живые ухмыляющиеся глаза. Кэти насторожилась, и ее улыбка стала немножко натянутой.

– Привет, Кен, рада снова тебя видеть.

– Слушай, Кэти! – воскликнул он, как будто ему в голову пришла совершенно оригинальная идея. – Почему бы нам не удрать отсюда и не найти место, где немного поспокойнее?

Его квартира или ее. Та, которая ближе. Кэти знала заведенный порядок, и это вызывало у нее отвращение.

– Что ты имеешь в виду?

Он не ответил на вопрос. Вместо этого он задал другой:

– Где ты живешь?

– В нескольких кварталах отсюда – на Виллидж-Грин. Соседки – две лесбиянки, – храбро солгала она.

Он поверил, но шокирован не был:

– Не шутишь? Это тебя не напрягает?

Кэти посмотрела на него широко открытыми невинными глазами:

– Я обожаю их.

Его лицо на миг исказилось гримасой отвращения, а Кэти еле сдержала смех.

– Жаль. Еще встретимся.

Кэти наблюдала, как Кен слонялся по бару, затем он увидел кого-то и исчез, протискиваясь через толпу.

Ну, с нее довольно, сыта по горло. Кэти коснулась руки Карен, отвлекая ее от оживленной беседы с двумя интересными мужчинами о лыжных гонках в Колорадо.

– Карен, я зайду в дамскую комнату и после этого уйду!

– Роб так и не объявился? – рассеянно спросила Карен.

– Я уйду, – с тихой решительностью ответила Кэти.

Карен только пожала плечами и вернулась к собеседникам и лыжам.

Дамская комната находилась за баром, и Кэти пришлось поработать локтями, продираясь сквозь толпу. Наконец она облегченно вздохнула, преодолев последние преграды. В безлюдном коридоре было потише. Роб так и не пришел. Кэти не знала – радоваться или огорчаться этому. Восемь месяцев назад она была безумно, страстно увлечена им, его умом, его ироничной нежностью. У него было все: прекрасная внешность, обаяние, шарм и надежное будущее главы одной из крупнейших в Сент-Луисе акционерной брокерской фирмы. Он был и красивым, и благоразумным, и вообще замечательным. Но... женатым.

Кэти вспомнила их последнее свидание, и ее лицо исказилось от боли. После изумительного вечера в ресторане они вернулись в ее квартиру и выпили. Часами она думала о том, что произошло потом. Он заключил ее в объятия, взял на руки. В ту ночь, впервые, она не собиралась останавливать Роба, если его попытки зайдут слишком далеко. В течение последних месяцев он сотни раз говорил ей, что любит ее. Она поверила. Но у нее хватило решимости изменить их отношения, после того как Роб откинулся на софу и обреченно вздохнул: «Кэти, завтра в светской хронике появится статья обо мне. И не только обо мне, но и о моей жене, о сыне. Я женат».

Ошеломленная Кэти потребовала, чтобы он никогда не звонил ей и не пытался встречаться. Он пытался неоднократно. Кэти упорно не отвечала на его звонки на работу и вешала телефонную трубку дома, как только слышала его голос.

Это было пять месяцев назад, и только однажды Кэти позволила себе горьковато-сладкое наслаждение подумать о нем. Только несколько дней назад она наконец-то поверила, что полностью освободилась от него. Но когда в среду услышала по телефону знакомый до боли голос Роба, это заставило ее задрожать всем телом. «Кэти, не вешай трубку. Все изменилось. Нам необходимо встретиться и поговорить».

Ему не понравилось место встречи, которое выбрала Кэти, но она настояла на своем. Гостиница «Глубокое ущелье» шумная и многолюдная, там легко погасить его нежную настойчивость, если эта настойчивость входит в его намерения. К тому же каждую пятницу сюда приходила Карен, и в крайнем случае Кэти рассчитывала на ее поддержку.

Дамская комната была полна, и Кэти пришлось подождать. Она вышла через несколько минут, рассеянно ища в сумочке ключи от машины.

У входа в бар была толпа, и Кэти пришлось остановиться. Мужчина, стоящий рядом с ней около телефона-автомата, вдруг спросил ее с легким испанским акцентом:

– Извините, вы не могли бы назвать адрес этого места?

Кэти повернулась, чтобы взглянуть на высокого, гибкого мужчину, который смотрел на нее с едва заметным нетерпением.

– Вы это мне? – поинтересовалась Кэти.

Его лицо было бронзовым от загара, волосы – густыми и такими же черными, как глаза цвета оникса. Он был одет в потертые джинсы и белую рубашку с закатанными рукавами. Незнакомец явно не принадлежал к обычным здешним постояльцам, которые всегда напоминали Кэти смесь коммивояжера и компьютера. Он был слишком... естественным.

– Я спросил, – повторил он с испанским акцентом, – не могли бы вы назвать адрес этого места? У меня сломалась машина, и я пытаюсь вызвать техпомощь.

Кэти машинально проговорила названия двух улиц, на углу которых находилась гостиница, проигнорировав узкие черные глаза и аристократический нос на надменном лице. Высокие смуглые иностранцы с тяжелым мужским запахом, может, и привлекали некоторых женщин, но только не Кэтрин Конелли.

– Спасибо, – ответил он ей и повторил в трубку названия улиц, которые сообщила ему Кэти.

Повернувшись, Кэти уперлась лицом в чей-то темно-зеленый свитер, натянутый на мускулистую грудь, которая загоразивала ей путь в бар.

– Позвольте пройти!

Мужчина услужливо пропустил ее к дверям.

– Куда это ты? – дружелюбно спросил его владелец. – Еще так рано.

Кэти подняла глаза и увидела широкую улыбку и нескрываемое восхищение.

– Я знаю, но мне необходимо уехать. Иначе в полночь я превращусь в тыкву.

– В тыкву превратится твоя карета, – поправил владелец свитера. – А вот одежда превратится в лохмотья.

– Второе случается чаще со времен Золушки, – вздохнула Кэти.

– Умная девочка, – одобрил ее собеседник. – Ты Стрелец, не так ли?

– Ошибаешься, – ответила Кэти, извлекая ключи со дна сумочки.

– И какой же твой девиз?

– Медленно и осмотрительно, – бросила она. – А твой?

Он задумался на мгновение.

– С аппетитом, – ответил он многозначительно, откровенно исследуя каждый изгиб ее изящной фигуры. Протянув руку, он слегка коснулся шелковистой ткани платья Кэти. – Мне нравится любить интеллигентных женщин: я не чувствую угрозы с их стороны.

Решительно подавив в себе желание посоветовать ему обратиться к психоаналитику, Кэти вежливо сказала:

– Мне действительно нужно ехать – назначена встреча.

– Счастливчик.

Кэти шагнула в темноту. Ее окатила душная летняя ночь, вызывая чувство одиночества и подавленности. Девушка остановилась у входа под навесом, и ее сердце отчаянно заколотилось: знакомый «корвет» проскочил на красный свет на перекрестке, развернулся и остановился около нее, взвизгнув тормозами.

– Извини, я опоздал, Кэти. Садись. Поедем куда-нибудь и поговорим.

Кэти посмотрела на Роба через открытое стекло машины и почувствовала такую волну страстного желания, что это причинило ей боль. Он все такой же невыносимо привлекательный, и только улыбка, всегда самоуверенная и победная, была теперь какой-то виноватой. Сердце у нее защемило, но она нашла в себе силы возразить:

– Уже поздно. И мне не о чем разговаривать с женатым мужчиной.

– Кэти, поговорим в другом месте. Не обижайся, что опоздал. Очень неудачный перелет, к тому же и в Сент-Луисе задержали посадку. А теперь будь хорошей девочкой – садись в машину. И не надо терять время на споры, у меня его нет.

– Почему у тебя нет времени? – упорствовала Кэти. – Тебя ждет жена?

Роб тихо выругался, проехал несколько метров и поставил машину в темное место около здания. Он вышел и прислонился к дверце, поджидая Кэти. Легкий ветерок растрепал ее волосы и играл складками платья, когда Кэти неохотно шагнула к нему в темноту.

– Кэти, прошло столько времени, – произнес он хрипло. – Ты не хочешь меня поцеловать?

– Ты все еще женат?

Вместо ответа он заключил ее в объятия. В его поцелуе были одновременно и неистовый голод, и мольба. Однако он достаточно хорошо знал Кэти, чтобы не уклоняться от ответа. Да, он все еще женат.

– Не будь такой! – прошептал он, обдавая ее ухо жарким дыханием. – Все это время я ни о ком не мог думать, только о тебе. Давай поедem к тебе.

– Нет, – произнесла Кэти, чувствуя, что в ее голосе не хватает решимости.

– Кэти, я люблю тебя. С ума схожу. Не отталкивай меня.

В его дыхании Кэти почувствовала запах ликера и была тронута, что ему пришлось приободриться перед встречей с ней. Тем не менее она ответила:

– Мне не нужна грязная связь с женатым мужчиной.

– Но раньше, пока ты не узнала, что я женат, ты не видела ничего грязного в отношениях со мной.

Он ласкал ее все настойчивее.

– Пожалуйста, пожалуйста, не делай этого со мной, Роб. Я не могу спокойно жить, зная, что разбиваю чью-то семью.

– Семья была разбита уже давно, до встречи с тобой, любимая. Я пытался тебе это объяснить.

– Подай на развод, – отчаянно произнесла Кэти.

Даже в темноте Кэти увидела горькую улыбку, которая искривила его лицо.

– Южане не разводятся. Так заведено нашими отцами, – сказал он с горечью.

Двери бара открывались и закрывались, люди входили и выходили, и Роб не повышал голоса. Его руки скользнули вниз по ее спине, легли на бедра.

– Я весь твой. Только твой. Ты не можешь разрушить брак, который давным-давно не существует.

– Прочь! – вырывалась она. – Или ты лжец, или трус, или и то и другое вместе.

Руки Роба крепко сжали ее, когда она попыталась бороться с ним.

– Я ненавижу тебя, – почти кричала Кэти. – Пусти меня!

– Отстань от нее! – прозвучал из темноты голос со слабым акцентом.

Роб повернулся:

– Какого черта тебе здесь надо? Ты его знаешь?

Ее голос охрип от унижения и гнева:

– Нет, не знаю. Да отпусти же ты меня! Я хочу уехать.

– Ты останешься, – прорычал Роб. Повернув голову к мужчине, он приказал: – А ты убирайся... пока я не показал тебе куда.

– Если хочешь, можешь попробовать. Только сначала оставь даму в покое. – Голос незнакомца стал пугающе учтивым.

Роб оттолкнул Кэти и замахнулся огромным кулаком, целясь прямо в челюсть противника. После секундной тишины последовал удар и шум падения тяжелого тела. Кэти открыла блестящие от слез глаза и увидела Роба, лежащего без сознания у ее ног.

– Откройте дверцу машины! – приказал незнакомец не терпящим возражений тоном.

Кэти машинально открыла дверцу «корвета». Мужчина бесцеремонно затолкал Роба внутрь, положил его голову на руль машины – как будто тот заснул после выпивки.

– Где ваша машина?

Кэти беспомощно уставилась на незнакомца.

– Нельзя же его бросить так... без помощи. Ему нужен врач.

– Где ваша машина? – нетерпеливо повторил он. – У меня нет желания оставаться здесь, неприятности с полицией мне ни к чему.

– Нет, – запротестовала Кэти, глядя через плечо на «корвет», пока торопливо шла к своей машине. – Вы уезжайте. А я не могу.

– Можно подумать, я его убил. Через несколько минут он придет в себя – с разбитым лицом и выбитыми зубами, вот и все. Я поведу, – сказал он, с силой подталкивая Кэти на место рядом с водителем. – Вы все равно не в состоянии.

Сев за руль, он стукнулся коленом о рулевую колонку и выругался.

«Наверное, по-испански», – подумала Кэти.

– Дайте мне ключи, – попросил он.

Кэти протянула ключи. Им пришлось подождать, чтобы выехать со стоянки. Они лавировали между машинами. На задворках гостиницы стоял сильно побитый старый грузовик.

– Это ваша машина? – с сомнением в голосе спросила Кэти, решив, что беседа не помешает.

Он мельком взглянул на грузовик, скользнул по своей спутнице взглядом.

– Как вы догадались?

Кэти покраснела от досады на себя. Он испанец, он небогат, и поэтому она угадала: незнакомец водит этот грузовик. Он прочел ее нелестные мысли. Чтобы как-то загладить свою вину, Кэти сказала:

– Когда вы говорили по телефону, то упомянули, что вам нужен буксир, вот я и решила...

Они выехали наконец со стоянки, и Кэти объяснила, как проехать к ее дому, который находился совсем рядом.

– Я хотела бы вас поблагодарить...

– Рамон, – представился он.

Кэти нервно коснулась сумки и достала бумажник. Она жила так близко от центра, что частенько брала с собой лишь пятидолларовую банкноту, чтобы расплатиться за такси. Они уже въезжали на место для парковки машин около ее дома.

– Я живу прямо здесь – первая дверь направо, под фонарем.

Он поставил машину поближе ко входу в ее квартиру, выключил зажигание, вышел из машины и собирался помочь ей. Однако Кэти торопливо выпорхнула из машины. Она неуверенно взглянула на смуглое, гордое лицо и решила, что на вид ему около тридцати пяти. Что-то в нем – его иностранное происхождение? А может быть, смуглая кожа? – смущало ее. Она протянула руку с пятидолларовой бумажкой.

– Большое спасибо, Рамон. Пожалуйста, возьмите.

Он взглянул на деньги, потом на нее.

– Пожалуйста, – вежливо настаивала она, навязывая ему деньги. – Я уверена, что вы найдете им применение.

– Конечно, – сухо ответил он после паузы, взял деньги и засунул их в задний карман джинсов. – Я провожу вас до квартиры, – добавил он.

Кэти была слегка обескуражена, когда он вежливо, но твердо взял ее под локоть. Это был подчеркнуто галантный жест – она поняла, что неосторожно задела его.

Он вставил ключ в замок и открыл перед ней дверь. Кэти вошла внутрь и повернулась, чтобы поблагодарить, но он неожиданно сказал:

– Если не возражаете, я хотел бы воспользоваться вашим телефоном, нужно выяснить, что там с техпомощью.

Его могли арестовать из-за нее. Кэти понимала, что обычная учтивость требует разрешить ему позвонить. Тщательно скрывая свое нежелание впускать его, она отступила, чтобы он прошел в ее роскошную квартиру.

– Телефон на кофейном столике, – сообщила хозяйка.

– Я собираюсь здесь задержаться, чтобы быть уверенным, что ваш друг, – он с презрением подчеркнул это слово, – не пришел в себя и не решил сюда заявиться. Тем временем механики завершат работу, и я пешком вернусь к гостинице. Это недалеко.

Кэти, которая даже не подумала, что Роб может прийти сюда, застыла с босоножкой в руках. Конечно же, Роб больше никогда и близко не подойдет к ней после того, как она его отвергла и стала свидетельницей его унижения.

– Я уверена, он больше не появится, – сказала Кэти. Но ее охватила запоздалая дрожь. – Я, пожалуй, приготовлю кофе. – Она направилась на кухню. И так как у нее не было выбора, вежливо добавила: – Не возражаете?

Рамон принял ее предложение в таких изысканных выражениях, что ее сомнения в его порядочности исчезли. С тех пор как они познакомились, он не сказал и не сделал ничего такого, что заставило бы сомневаться в нем.

Только оказавшись на кухне, Кэти обнаружила, что в мыслях о встрече с Робом она забыла купить кофе. Это ставило ее в неловкое положение. Внезапно она почувствовала, что ей необходимо выпить чего-нибудь покрепче. Открыла шкаф над холодильником и достала бутылку бренди.

– Боюсь, что смогу предложить вам только бренди или воду, – обратилась она к Рамону. – Кока-кола выдохлась.

– Бренди было бы неплохо.

Кэти плеснула бренди в два бокала и вернулась в гостиную, как раз когда Рамон повесил трубку.

– Техпомощь уже добралась?

– Да, механики ремонтируют, и я скоро смогу уехать.

Рамон взял бокал и насмешливо осмотрелся.

– А где ваши подруги? – поинтересовался он.

– Какие подруги? – безучастно переспросила Кэти, устало опускаясь в бежевое кресло.

– Лесбиянки.

Кэти рассмеялась:

– Неужели вы слушали, что я говорила?

Глядя на нее сверху вниз, Рамон кивнул, но ни тени улыбки не было на его прекрасно очерченных губах.

– Я был позади вас. Пытался дозвониться от бармена.

– Лесбиянок я выдумала.

– Но адвокатов вы действительно не любите?

– Честно говоря, да. Долго рассказывать. Но уж тщеславных во всяком случае.

– А вы не тщеславны?

Кэти подняла на него изумленные глаза. Была детская беспомощность в том, как она сидела в кресле, поджав под себя голые ноги.

– Я... я не знаю.

– А когда вы предположили, что я вожу эту рухлядь?

Впервые за эту ночь Кэти искренне улыбнулась, мягкие губы дрогнули в обаятельной усмешке, ее глаза блестели.

– Я, наверное, была слишком ошеломлена и не очень понимала, что говорю. Но к этой гостинице обычно не приезжают на грузовиках.

– А что в этом предосудительного?

– Да в общем-то ничего. Хотя некоторые могут посмотреть на это косо.

Рамон как будто удивился ее словам. Взгляд его скользнул по рассыпавшимся по плечам золотистым волосам Кэти. Неожиданно Рамон отвел глаза. Подняв бокал, он залпом выпил половину.

– Бренди пьют маленькими глотками, – заметила Кэти, но тотчас поняла, что допустила бестактность. – Я имела в виду, – неуклюже исправилась она, – что люди, которые привыкли его пить, обычно предпочитают пить медленно.

Рамон опустил бокал и пристально посмотрел на нее.

– Спасибо, – ответил он с безупречной учтивостью. – Я попытаюсь этого не забыть, если мне еще когда-нибудь посчастливится пить бренди.

Кэти ощутила неловкость: она не хотела оскорбить его. Кэти наблюдала, как он стоял у окна спиной к ней, его фигура была резко очерчена на фоне занавески. Окно выходило на стоянку, за стоянкой проходила широкая пригородная улица. Прислонившись плечом к оконной раме, он медленно потягивал бренди. Кэти отметила, что его белая рубашка туго обтягивала широкие мускулистые плечи. Ей хотелось, чтобы он ушел. Ее физические и духовные силы были истощены. И незачем ее охранять – Роб не придет.

– Сколько вам лет? – внезапно спросил он. Их взгляды встретились.

– Двадцать три.

– Пора бы побольше понимать в правилах приличия.

– Что вы имеете в виду?

– То, что я неприлично пью бренди, вы заметили. А прилично ли приглашать в гости первого встречного? Стоило бы больше думать о своей репутации.

– Первого встречного?! – взорвалась Кэти. – Если мне не изменяет память, вам нужно было позвонить! Прикажете отказать человеку, который за меня вступился?! Не знаю, как там у вас в Мексике или где...

– Я родился в Пуэрто-Рико, – подсказал он.

Кэти проигнорировала это.

– ...но здесь, в США, уже нет таких примитивных понятий о женской репутации! Мы делаем то, что нам нравится!

Его, несомненно, разбирал смех.

– И вы делаете то, что вам нравится?

– Конечно! – с чувством воскликнула Кэти.

– И что же вы делаете?

– Простите?

– Что вы делаете из того, что вам нравится?

– Все, что хочу!

– И что же вы хотите сейчас?

Хрипотца в его голосе заставила ее внезапно осознать всю чувственность, исходящую от его могучего тела. Обтягивающие джинсы и плотно облегающая белая рубашка только подчеркивали первобытную красоту. Кэти задрожала, когда его взгляд коснулся ее лица, задержавшись на мягких полных губах, прежде чем скользнуть на грудь, бурно дышавшую под мягкой тканью платья. Она почувствовала что-то пронзительное, вызывающее смех, а может быть, и слезы, а может быть, и то и другое вместе. Кэти Конелли ухитрилась оказаться в обществе пуэрто-риканского Казановы, который решил, что сможет разрешить одним махом все ее сексуальные проблемы! Заставляя себя быть оживленной, она наконец ответила на его вопрос:

– Чего я хочу сейчас? Я хочу быть счастливой. Я хочу быть... свободной. – Она закончила неуверенно – темные чувственные глаза мешали ей собраться с мыслями.

– И от чего же вы хотите быть свободной?

Внезапно Кэти резко вскочила на ноги:

– От мужчин!

Как только она встала, Рамон подошел к ней неторопливой осторожной походкой:

– Вы хотите быть свободной от своей свободы, а не от мужчин.

Кэти начала пятиться к двери, а он наступал. Да она сошла с ума, впустив его в квартиру! Изнасилует, а то и убьет в придачу, вот чем это кончится! Она вздрогнула, когда ее спина коснулась двери. Рамон остановился в шаге от нее:

– Если бы вы хотели освободиться от мужчин, как говорите, то не пошли бы ночью в бар, где вы столкнулись с этим человеком. Вы не знаете, чего хотите.

– Я знаю, что уже поздно, – произнесла Кэти дрожащим голосом. – И я знаю, что хочу, чтобы вы ушли.

Он прищурился, глядя на нее, но его голос смягчился, когда он спросил:

– Вы боитесь меня?

– Нет, – солгала Кэти.

Он удовлетворенно кивнул:

– Тогда вы не будете против, если я приглашу вас завтра пойти со мной в зоопарк?

Кэти могла сказать, что у нее нет ни малейшего желания куда-либо идти с ним... Нет, сейчас лучше соглашаться на что угодно, лишь бы он убрался отсюда...

– Хорошо, – сказала она. – Во сколько?

– Я зайду за вами в десять утра.

Когда дверь за ним захлопнулась, Кэти почувствовала себя пружиной, которую скручивали все туже и туже, как будто кто-то хотел посмотреть, до какого предела ее можно закрутить, прежде чем она сломается. Она нырнула в постель и усталилась в потолок. У нее достаточно проблем, не хватало только латиноамериканца с зоопарком. Вспомнив сцену с Робом, Кэти в отчаянии зарылась головой в подушку. Нет, к черту все! А завтра, конечно, надо пораньше удрать из дому. К родителям. Давно пора их навестить.

Глава 3

На следующее утро в восемь часов ее глубокий сон был прерван звоном будильника. Зачем она его поставила на такую рань в субботу? Кэти сонно нащупала будильник и заставила его заткнуться.

Было уже девять, когда она снова открыла глаза. Свет потоком лился в ее украшенную цветочными узорами спальню. «О Господи! Через час припрется этот потомок конкистадоров!»

Пулей вылетев из постели, Кэти метнулась в душ. Все было против нее: вода слишком медленно смывала пену, фен целую вечность сушил волосы. Когда наконец вскипит чайник?! Кэти металась по комнате, в поспешных сборах оставляя ящики открытыми. Успела! Темно-синие брючки, верх с белым кантом – в тон, шелковый шарф на волосы...

На ходу застегивая дорожную сумку, Кэти выбежала из дома в девять тридцать пять. Ее встретило солнечное майское утро. Кэти подошла к машине, шаря по кармашкам сумки.

– Черт! – выдохнула она и опустила сумку на землю около машины, роясь в ней. Она бросила нервный взгляд на поток машин на улице, ожидая увидеть старый грузовик, с грохотом въезжающий во двор. – Куда делись эти чертовы ключи?!

Ее нервы были до того напряжены, что, когда чья-то рука легла на ее плечо, Кэти едва сдержала крик.

– Они у меня, – спокойно произнес глубокий голос.

Кэти повернулась, полная испуга и ярости:

– Какое вы имеете право шпионить за мной?

– Я просто ждал вас, – ответил Рамон. – Вот ваши ключи. Я случайно положил их к себе в карман вчера вечером.

Он протянул ей ключи вместе с розой на длинном стебле. Кэти схватила их, тщательно избегая даже прикасаться к темно-красному цветку.

– Возьмите розу, – тихо попросил он, не убирая руки. – Это для вас.

– Оставьте меня! Здесь не Пуэрто-Рико, и не нужно мне ваших роз!

Рамон не сдвинулся с места.

– Я же сказала, что мне это не нужно! – Кэти в бессильной ярости защелкнула замок на сумке и нечаянно выбила розу из его руки.

Вид прекрасного цветка, валяющегося на сером бетоне, вызвал у Кэти угрызения совести, она смущенно взглянула на Рамона. Его гордое лицо было спокойным, на нем не отражалось ни ярости, ни осуждения – только глубокое сожаление.

Кэти отвела глаза. Тьфу, как все мерзко получилось! А он, похоже, постарался ради нее: аккуратный черный наряд – рубашка с короткими рукавами и строгие брюки, запах дорогого одеколona... И так тщательно выбрит. Чем он, собственно, заслужил эти грубые выходки? Цветок валялся на асфальте, Кэти захотелось разреветься.

– Рамон, извините меня.

Она подняла цветок и с мольбой взглянула на сдержанное лицо Рамона.

– Спасибо вам. И если вы еще хотите, я пойду с вами в зоопарк, как обещала. – Кэти сделала паузу для глубокого вдоха. – Но я хочу, чтобы вы поняли – вы не должны... – Она в смущении замолкла, когда в его глазах заплясали озорные огоньки.

Он произнес с едва заметной усмешкой:

– Я предложил вам пока только цветок и поход в зоопарк. Руку и сердце пока не предлагал.

Внезапно Кэти поймала себя на том, что улыбается ему.

– Да, пожалуй, вы правы.

– Ну, теперь мы пойдем? – поинтересовался он.

– Да, но сначала я отнесу домой сумку.

Рамон взял сумку у нее из рук:

– Я отнесу сам.

Когда они вошли в квартиру, она забрала сумку и направилась в спальню. Вопрос Рамона остановил ее:

– Вы из-за меня пытались убежать?

Кэти повернулась в дверях:

– Не только. После прошлой ночи мне надо было уехать от всего и от всех хотя бы на время.

– И что же вы собирались делать?

Ее губы дрогнули в печальной улыбке.

– То же, что и многие независимые самоуверенные американки, когда они не могут справиться с собой, – бежать к мамочке с папочкой.

Пять минут спустя они вышли из дома и направились к автостоянке. Кэти размахивала дорогой камерой, которую она держала в левой руке.

– Это фотоаппарат, – сообщила она.

– Я знаю, – подтвердил он с насмешливой серьезностью. – Они есть даже в Пуэрто-Рико.

Кэти расхохоталась и покачала головой:

– Никогда не знала, что я такая противная американка.

Остановившись около изящного «бьюика», Рамон открыл дверцу рядом с водительским местом.

– Очень симпатичная американка, – тихо сказал он и добавил: – Садись.

К своему стыду, Кэти успокоилась, когда поняла, что они поедут на машине. Трястись по автостраде на развалюхе-грузовике было не по ней.

– Ваш грузовик снова сломался? – спросила она, когда они плавно выехали с автостоянки и влились в интенсивный субботний поток машин.

– Я решил, что вы предпочтете эту машину грузовику. Я одолжил ее у друга.

– Мы могли бы взять мою машину, – возразила она.

По взгляду, который бросил на нее Рамон, она поняла, что если он приглашает кого-нибудь, то на своем транспорте. Кэти включила радио и украдкой оглядела нового знакомого. Великолепное сложение, загорелые лицо и руки. Он напомнил ей одного испанского теннисиста.

В зоопарке оказалось не так уж плохо, хотя слишком многолюдно. Кэти и Рамон бродили рядом по широким дорожкам, болтая, как школьники. Рамон купил ей арахис, чтобы кормить медведя. Он от души расхохотался в птичьем вольере, когда тукан с чудовищным клювом опустился на Кэти и та пронзительно взвизгнула, прикрывая голову. Потом они подошли к питомнику с рептилиями. Туда Кэти входила неохотно – змеи вызывали у нее омерзение.

– Посмотри, – прошептал Рамон ей на ухо, кивая в сторону огромного стеклянного террариума.

– Я не хочу смотреть, – ответила Кэти сухими губами. – Я и так знаю, что там дерево, а с него свисает очередная змея.

Ее ладони стали влажными, как будто рука коснулась чешуи.

– Что-нибудь не так? – озабоченно спросил Рамон, заметив, что она побледнела. – Ты не боишься змей?

– Да, – проворчала Кэти, – очень.

Тряхнув головой, он взял ее за локоть и вывел наружу. Кэти с облегчением вдохнула свежий воздух и опустилась на ближайшую скамейку.

– Я уверена, что они поставили скамейку около питомника для таких, как я. Иначе нас пришлось бы просто выносить.

В улыбке Рамона появилось некоторое превосходство.

– Вообще-то змеи очень полезны. Они едят грызунов, насекомых...

– Пожалуйста, – взмолилась Кэти, – не описывай мне их меню.

Рамон продолжал, не отрывая от нее глаз:

– Они необходимы для равновесия в природе.

Дрожащая Кэти встала, бросив на него ироничный взгляд:

– Да что вы говорите? Вот уж никогда бы не подумала.

Ее изящный носик сморщился от отвращения. Рамон, задумчиво улыбаясь, пристально посмотрел в голубые глаза.

– Вообще-то я их тоже не люблю, – признался он.

Они долго бродили по зоопарку. К своему изумлению, Кэти стала замечать, что слегка театральная испанская галантность Рамона начинает ей импонировать.

Кэти истратила больше половины второй пленки, когда они подошли к острову, где обитали обезьяны, павлины и другие интересные, но менее редкие животные.

Жуя попкорн, она оперлась на узорную ограду маленького пруда и бросала зернышки уткам. Ее поза была ненамеренно соблазнительной, темно-синяя ткань туго обтянула изящные бедра. Рамон откровенно наслаждался этим зрелищем. Не подозревая о том, что ее рассматривают, Кэти оглянулась через плечо:

– Хочешь, сфотографирую?

У него дрогнули губы.

– Что именно?

– Острова, – ответила Кэти, озадаченная его улыбкой. – Эта пленка скоро кончится. Я собираюсь подарить ее тебе. Когда ты сделаешь фото, у тебя будет сувенир на память о зоопарке в Сент-Луисе.

– Эти фото для меня?

– Конечно, – ответила Кэти, взяв очередную горсть попкорна.

– Если бы я это знал, – усмехнулся Рамон, – я бы сфотографировал нечто более интересное, чем медведи и жирафы, на память об этом дне.

Кэти вопросительно приподняла брови:

– Змей? Брр. Тогда бери фотоаппарат и иди туда один, я подожду.

– Нет, – ответил он с кривой усмешкой, отводя ее от изгороди. – Не змей.

На обратном пути они остановились у магазинчика, где Кэти смогла наконец купить кофе. Поддавшись порыву, она решила пригласить Рамона на легкую закуску и присоединила к покупке бутылку красного вина и немного сыра. Рамон проводил ее до двери, но, когда Кэти позвала его в квартиру, он заметно колебался, прежде чем согласиться.

Не прошло и часу, как Рамон поднялся.

– Я работаю сегодня вечером, – объяснил он.

Улыбнувшись, Кэти вышла и вернулась с фотоаппаратом.

– Остался еще кадр. Встань здесь, я сфотографирую тебя и отдам тебе обе пленки.

– Нет! Оставь его. Я сфотографирую тебя завтра на пикнике.

«Значит, новое свидание?» Кэти решила согласиться. Впервые за долгое время она чувствовала себя такой веселой и юной...

– Нет. Я не могу, правда. Но спасибо.

Несомненно, Рамон был очень привлекательным. Но его мужское обаяние все еще больше пугало ее, чем привлекало. Ну и, наконец, они все-таки принадлежат к разным кругам.

– Почему ты отводишь глаза, как будто хотела бы никогда не видеть меня? – внезапно спросил он.

Она быстро взглянула на него:

– Я... ты ошибаешься.

– Нет, – упрямо возразил он, – я не ошибаюсь.

Кэти решила солгать, но передумала под испытующим взглядом черных глаз:

– Ты напоминаешь мне одного человека, который уже умер. Он был высокий, темново-
лосый и очень похож на тебя.

– Его смерть причинила тебе сильное горе?

– Его смерть принесла мне огромное облегчение! – воскликнула Кэти. – Было время, когда я мечтала прикончить его своими руками!

Он усмехнулся:

– Какое темное и зловещее прошлое у такого юного и очаровательного существа.

Кэти подарила ему беспечную улыбку. Ее все любили за жизнерадостный характер, а воспоминаниями, которые причиняли ей боль, она не делилась ни с кем.

– Я полагаю, что лучше темное и зловещее, чем скучное.

– Зато в гостиничном баре ты сама выглядела изрядно скучающей, – усмехнулся Рамон. Уже придерживая рукой дверь, он добавил: – Позвоню тебе в полдень. Угощение беру на себя. Тебе придется приготовить только лекцию о моей невоспитанности.

– Что?..

– Ну, я ведь не спрашиваю твоего согласия, хочешь ли ты ехать со мной.

Вечером Кэти рано вернулась домой. Шумная вечеринка у друзей отчего-то показалась ей скучной. Кэти вспомнила слова Рамона, сказанные на прощание, и задумалась над ними: была ли скука причиной этого странного нетерпения, этой неуловимой и необъяснимой досады, которая с каждым днем росла в ней в течение последних месяцев? Нет, решила она наконец, ее жизнь можно назвать какой угодно, но только не скучной – временами она была даже слишком полна событий. Свернувшись калачиком на софе в гостиной, Кэти рассеянно провела длинным ухоженным ногтем по обложке книги, лежащей у нее на коленях. Ее голубые глаза затуманились. Что происходит с ней в последнее время? Этот вопрос она все чаще задавала себе, с разочарованием понимая, что ответ ускользает. Что же она упустила в своей жизни? Знать бы, тогда можно было попытаться это исправить.

– Ничто не прошло мимо меня, – твердо сказала себе Кэти. И все же, все же...

Раздраженная неопределенностью, она мысленно перебрала все доводы, чтобы чувствовать себя счастливой: в двадцать три года у нее диплом об окончании университета, прекрасная высокооплачиваемая работа. Да и без работы денег отца для жизни более чем хватает. К тому же у нее роскошная квартира, стенные шкафы набиты одеждой. Она привлекает внимание мужчин, у нее хорошие друзья, в пестрой светской жизни она участвует ровно настолько, чтобы это было развлечением, а не обузой. Чего же ей не хватает для счастья?

«Мужчины», – сказала бы Карен. Это она всегда говорила в подобных случаях.

Легкая улыбка коснулась губ Кэти. «Мужчина» определенно не был решением ее проблем. Она одернула себя: нет никаких причин чувствовать себя несчастной! Во всем мире женщины страстно желают сделать карьеру, сражаются за свою свободу и самостоятельность, мечтают о финансовой независимости. А она, Кэти Конелли, достигла всего этого уже в двадцать три года.

– У меня есть все, – сказала Кэти непреклонно, открывая книгу. Строчки расплывались у нее перед глазами, а внутренний голос продолжал нашептывать: «Этого мало, слишком мало. В твоей жизни чего-то недостает».

Глава 4

Для пикника они выбрали Форест-парк. Прямо под громадными дубами Рамон расстелил одеяло, которое принесла Кэти. Раскидистые ветви качались над ними, а они с аппетитом ели копченую говядину, ветчину и французские булочки с хрустящей, поджаристой корочкой. Пока они весело болтали, Кэти рассеянно ощущала на себе его оценивающий взгляд – он скользил по лицу, по светлым волосам с рыжеватым отливом, спадающим на плечи; она чувствовала его даже тогда, когда отворачивалась, чтобы достать что-нибудь из корзинки. Но ей было так хорошо, что она не придавала этому никакого значения.

– Мне кажется, что в Америке на пикниках обычно бывают жареные цыплята, – сказал Рамон, когда в беседе возникла пауза. – Но, увы, я не умею готовить. Для следующего пикника я куплю, а ты пригостишь цыпленка.

Кэти потягивала кьянти из бумажного стаканчика.

– Ну, ты настоящий мужчина! – рассмеялась она. – Почему ты решил, что я умею готовить?

– Конечно же, потому, что ты женщина.

– Ты это серьезно?

– Серьезно ли считаю тебя женщиной? Или серьезно думаю, что ты умеешь готовить?

Кэти уловила чувственную хрипотцу, придающую его голосу глубину.

– Серьезно, что стряпня – женское дело? – натянуто спросила она.

Он усмехнулся, заметив ее неловкость.

– Я не сказал, что только женское, просто все женщины должны уметь готовить. Мужчина обязан работать, чтобы можно было купить пищу, а женщина должна уметь приготовить ее. Таков вечный закон.

Кэти недоверчиво уставилась на него, почти убежденная, что он нарочно поддразнивает ее.

– Может быть, для тебя будет странно услышать, но далеко не все женщины родились, сгорая от желания резать лук и тереть сыр.

Рамон подавил смех, затем ловко сменил тему:

– Где ты работаешь?

– В одной большой фирме, менеджером по кадрам. Я интервьюирую людей перед приемом их на работу.

– Тебе нравится твоя работа?

– Очень, – ответила она, доставая из корзинки огромное красное яблоко. Подтянув ноги в хлопчатобумажных брюках к груди, она обхватила их руками и надкусила яблоко. – Очень вкусно!

– Просто невероятно.

Кэти посмотрела на него с изумлением:

– Невероятно, что мне нравится яблоко?

– Невероятно, что тебе нравится твоя работа. Будет обидно бросить ее, когда ты выйдешь замуж.

– Бросить, когда я... – Кэти от смеха была не в состоянии вымолвить ни слова, а только покачивала головой. – Рамон, как тебе повезло, что ты не американец. Ты даже не представляешь, что могут состряпать для тебя американские женщины.

– Я – американец, – заметил он, игнорируя предостережение Кэти.

– Мне кажется, ты назвался пуэрториканцем.

– Я сказал, что родился в Пуэрто-Рико. На самом деле я испанец.

– Ты только что сказал, что ты и американец и пуэрториканец.

– Кэти, – он впервые обратился к ней по имени, и это вызвало в ней прилив неизъяснимого трепета, – Пуэрто-Рико – свободно присоединившееся к США государство. Любой, кто родился в нем, автоматически становится гражданином Америки. Однако мои предки – испанцы, а не пуэрториканцы, так что я – американец испанского происхождения, рожденный в Пуэрто-Рико. Так же, как ты, – он не спеша оглядел ее белую кожу, голубые глаза и рыжеватые волосы, – американка ирландского происхождения.

Кэти была слегка задета нотками превосходства в его голосе, когда он прочел ей эту лекцию.

– Надо же, какой испано-пуэрториканский американец и еще к тому же настоящее ископаемое. Тебе бы жить во времена, когда на суффражисток рисовали карикатуры.

– Почему ты говоришь со мной таким тоном? Только лишь потому, что я считаю, что, когда женщина выходит замуж, она обязана заботиться о своем муже?

Кэти высокомерно взглянула на него:

– Не имеет никакого значения, что ты считаешь. У большинства женщин есть свои интересы и заботы вне дома, впрочем, как и у мужчин. Нам нравится делать карьеру, мы ее делаем и гордимся ею.

– Женщина должна испытывать чувство гордости за своего мужа и детей.

Кэти захотелось сказать что-нибудь такое, что стерло бы эту невыносимую, самодовольную усмешку с его лица.

– К нашему счастью, американцы, рожденные в США, ничего не имеют против того, чтобы их жены делали карьеру. Они более понимающие и тактичные...

– Очень понимающие и очень тактичные, – насмешливо подхватил Рамон. – Они разрешают вам работать, позволяют отдавать им заработанные вами деньги, разрешают завести детей, нанимают кого-нибудь, чтобы заботиться о них, убирать дом и, – он усмехнулся, – даже готовить.

На мгновение Кэти была просто ошарашена его речью, затем откинулась на спину и залилась смехом.

– Ты абсолютно прав.

Рамон прилег около нее, закинув руки за голову, и посмотрел в блеклое небо с белоснежными облаками.

– У тебя замечательный смех.

Кэти надкусила яблоко.

– Думаешь, переубедил? Как бы... Я самая типичная деловая женщина. Мечтаю о карьере. Обожаю тратить деньги как хочу. Прозябать на заработок мужа – благодарю покорно.

– Изумительно. Современная деловая женщина делает деньги и карьеру, демонстрируя всем и каждому, что считает своего мужа неспособным ни на первое, ни на второе. Боюсь, что американские американцы вконец утратили мужскую гордость.

– Вздор! – запротестовала Кэти. – Предположим, ты полюбил девушку и хочешь на ней жениться, но на те деньги, что ты зарабатываешь на старом грузовичке, вы сможете жить только где-нибудь вроде Гарлема. Но при этом ты понимаешь, что, если бы она работала там, где ей нравится, вы оба имели бы то, о чем мечтаете. Что ты на это скажешь?

– Я ожидал бы, что она будет счастлива тем, что смогу предложить ей я.

Кэти вздрогнула, представив себе жизнь в трущобах только потому, что из-за своей гордости Рамон не позволяет ей работать. Навевающим дремоту голосом он добавил:

– И мне бы не понравилось, если бы она стыдилась того, как я зарабатываю на жизнь.

Кэти услышала тихий укор в его словах, но продолжала упорствовать:

– А ты когда-нибудь мечтал делать что-нибудь другое, кроме как водить потрепанный грузовик?

Рамон долго не отвечал, потом сказал:

– Я... Конечно. Я еще возделываю землю.

Кэти высоко подняла брови:

– Ты работаешь на ферме? В Миссури?

– В Пуэрто-Рико, – поправил он.

Кэти не могла решить, хорошо для нее или плохо, что он не останется в Сент-Луисе. Он лежал, прикрыв глаза, и Кэти решила внимательно рассмотреть его вблизи. В бронзовых чертах его лица, в твердой линии подбородка и носа запечатлелось испанское высокомерие. А вот длинные ресницы и еще эта ямочка на подбородке делают лицо мягче. Прекрасно очерченные чувственные губы – Кэти представила, как они будут целовать ее, и почувствовала приятное смущение. Вчера он сказал, что ему тридцать четыре. Сейчас он кажется куда моложе. Широкие плечи и могучая грудь прямо-таки рвут красную трикотажную рубашку. А бедра узкие, живот плоский. Хорош, ничего не скажешь. Только... похож на Дэвида.

Он не открыл глаз, но его губы дрогнули в усмешке.

– Надеюсь, вид вызывает у тебя одобрение?

Кэти с неохотой перевела взгляд на холмистый парк, лежащий перед ней:

– Да, сегодня парк просто замечательный, деревья, как...

– Вы смотрели не на деревья, сеньорита.

Кэти не нашлась что ответить. Но ей понравилось, как он назвал ее сеньоритой. Незнакомо, экзотично и подчеркивает различие между ними.

«Девочка, пора признаться себе, что заигралась. Вот сейчас ты хотела, чтобы он тебя поцеловал. Да, хотела, и этого, и всего остального! Хорошо, а что дальше? Завтра тебе ехать на барбекю к родителям. Представь-ка хорошенько, могла бы ты прихватить его с собой? Знакомить с их клубными друзьями?.. Это мой знакомый, нет, не по университету, он, знаете ли, водит грузовик... М-да. Нет, пора завязывать, пока еще не поздно. Так будет лучше для обеих сторон».

– Ну что, Кэти, хочешь дать деру?

Под взглядом его пронизательных черных глаз Кэти стало не по себе. Она сделала вид, что поправляет одеяло.

– Что-то я не понимаю, о чем ты, – сказала она, старательно отводя взгляд.

– Хочешь знать, что я вижу, когда смотрю на тебя?

– Нет, – сухо ответила она. – Похоже, что ты собираешься сказать нечто в духе героя из мыльной оперы.

Кэти попыталась рассмеяться, но в тишине, наступившей после ее слов, невозможно было это сделать.

– Я думаю, мне пора домой, – заявила она, поднимаясь с колен и собирая корзинку.

Рамон безмолвно встал и сложил одеяло.

По пути домой Кэти дважды прерывала натянутое молчание, надеясь загладить свою вину, но в ответ слышала короткие «да» и «нет». Ей было стыдно за свои мысли, за свою манеру разговаривать с ним, и она была раздражена тем, что он не хочет помочь ей сгладить бестактность. К тому времени когда он поставил «бьюик» на стоянке напротив дверей ее квартиры, Кэти мечтала лишь о том, чтобы этот день скорее закончился, хотя было только три часа. И не успел Рамон обойти машину, чтобы помочь ей выйти, как Кэти сделала это сама.

– Я открою дверь, – отрывисто сказал он. – Обычная вежливость.

Кэти неожиданно поняла, что он с трудом сдерживает ярость. Но это почему-то не испугало ее.

– Может быть, тебе покажется странным, – объявила она, поднимаясь по ступенькам и вставляя ключ в замок, – но с моими руками все в порядке, и я способна открыть дверь сама. И я не понимаю, почему ты со мной должен быть вежлив – я-то вела себя с тобой по-свински. – В дверях она обернулась. – Благодарю, Рамон. Я прекрасно провела время.

Кэти не поняла, почему Рамон взорвался от хохота. К ее испугу, он проскользнул за ней в квартиру и запер дверь. Смысл его взгляда не оставлял никаких сомнений. Его спокойно произнесенные слова наполовину приглашали, наполовину приказывали:

– Подойди, Кэти!

Кэти отрицательно покачала головой и сделала осторожный шаг назад, она вся дрожала.

– Разве свободные американские женщины не подтверждают поцелуем, что они очень хорошо провели время? – настаивал Рамон.

– Не все, – ответила Кэти, – некоторые ограничиваются словом «спасибо».

Слабая улыбка тронула его губы, но его взгляд был прикован к ее манящему рту.

– Подойди сюда, Кэти! – И, видя, что она еще раздумывает, добавил: – Неужели тебе не интересно, как целуются испанцы и как пуэрториканцы занимаются любовью?

Кэти судорожно сглотнула.

– Нет, – прошептала она.

– Подойди же, Кэти, и я покажу тебе.

Как во сне, Кэти подошла к нему, загипнотизированная его бархатным голосом и этими черными глазами, полная страха и восхищения. Она никак не ожидала, оказавшись в объятиях Рамона, что будет покорена и увлечена в густую сладкую темноту, где были лишь жгучее наслаждение, возникающее, когда его губы осыпали непрерывными поцелуями ее губы, и жаркие волны, прокатывающиеся по следам его ласкающих рук.

– Кэти, – хрипло прошептал он, неохотно оторвавшись от ее рта и целуя глаза, виски и щеки. – Кэти, – повторил он страстным шепотом и вновь овладел ее губами.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он наконец поднял голову. Ослабевшая и дрожащая Кэти коснулась щекой его могучей груди и услышала, как бешено колотилось его сердце. Она была совершенно опустошена происшедшим.

Ее столько раз целовали мужчины, умеющие целовать, – можно сказать, профессионалы в этом деле. В их объятиях она чувствовала вполне понятное удовольствие. Но этот безрассудный взрыв восторга был для нее вновь. Губы Рамона нежно коснулись ее великолепных волос.

– А теперь я могу сказать, что я вижу, когда смотрю на тебя?

Кэти попыталась ответить легко, но ее голос был таким же хриплым, как и его:

– Ты собираешься говорить, как герой мыльной оперы?

– Да.

– Хорошо.

Его смех был сильным и низким.

– Я вижу красавицу с золотистыми волосами и улыбкой ангела. Я припоминаю принцессу, стоящую в баре и неодобрительно на всех поглядывающую; затем я услышал колдунью, которая сообщила мужчине, делающему ей довольно неприличные предложения, что она живет с лесбиянками.

Он погладил кончиками пальцев ее щеку.

– Когда я смотрю на тебя, я думаю, что ты, моя красавица, принцесса и колдунья.

То, что он назвал ее своей, заставило Кэти вернуться к реальности. Решительно вырвавшись из объятий Рамона, она сказала с неестественной веселостью:

– Ты не хочешь сходить в бассейн? Он сегодня открыт. – Говоря это, она засунула руки в задние карманы, позволив взгляду Рамона скользнуть по натянувшейся на груди футболке, и, заметив его взгляд, торопливо опустила руки.

Бровь Рамона приподнялась в немом вопросе: почему она возражает против того, чтобы он смотрел на нее, ведь только что она была в его объятиях?

– Конечно. Я буду рад увидеть ваш бассейн и познакомиться с твоими друзьями.

Кэти снова почувствовала себя неудобно. Он покажется слишком смуглым, слишком чужаком для блестящей светской компании в бассейне. К тому же она хорошо знала, когда мужчина хочет затащить ее в постель. Рамон именно этого и добивается. И как можно скорее.

Двери из стекла с витражами вели из гостиной в маленький внутренний дворик, окруженный изгородью, которая создавала иллюзию уединения. В центре дворика стояли два деревянных шезлонга красного цвета с огромными подушками, украшенными цветным узором. Вокруг было посажено множество пышных растений, некоторые из них цвели. Кэти остановилась около скульптуры, окруженной бордовыми и белыми петуниями. Держась за изгородь, она колебалась, пытаясь подобрать слова для тех мыслей, что вертелись у нее в голове.

– У тебя прекрасная квартира, – заметил Рамон, – да и цена за нее, наверное, немалая.

Кэти быстро повернулась к нему, намереваясь использовать это вскользь брошенное замечание, чтобы сказать, что они не пара и что он должен охладить свой не в меру горячий пыл. Но так, чтобы не обидеть его.

– Спасибо. Честно говоря, плата очень высокая. Я живу здесь потому, что для моих родителей это гарантия, что мои соседи и друзья – люди определенного достатка.

– Ты хочешь сказать – богатые люди?

– Не обязательно богатые, но достаточно обеспеченные люди, добившиеся успеха в жизни.

Лицо Рамона превратилось в маску, лишенную каких-либо чувств.

– Наверное, будет лучше не представлять меня твоим друзьям.

Кэти посмотрела на его надменное красивое лицо, и ей снова стало стыдно. Взволнованно проведя рукой по лбу, она перевела дыхание.

– Рамон, забудем, что произошло между нами. Я хочу, чтобы ты понял – я не собираюсь ложиться с тобой в постель. Никогда.

– Потому что я испанец? – хладнокровно спросил он.

Кэти покраснела от досады.

– Нет, конечно же, нет! Потому что... – Она насмешливо улыбнулась. – Если использовать известную фразу – «я девушка не такого сорта». – Чувствуя себя намного лучше оттого, что между ними все стало ясно, она повернулась к воротам, ведущим к бассейну: – Ну, теперь давай спустимся и посмотрим, что там в бассейне.

– Не думаю, что это благоразумно, – сардонически заметил Рамон. – Я не хочу ставить в неловкое положение тебя перед твоими преуспевающими, обеспеченными друзьями.

Кэти взглянула через плечо на Рамона, смотрящего на нее сверху вниз. Его глаза были полны иронии и презрения. Кэти вздохнула:

– Если я самодовольная дура, то тебе едва ли стоит мне уподобляться. Пожалуйста, пойдем в бассейн.

Он засмеялся и распахнул перед ней дверь.

В бассейне стоял крик и летели брызги. Играли в водное поло. Девушки в бикини и мужчины в плавках грелись на солнце. Их тела блестели от лосьона для загара. Всюду банки с пивом, радиоприемники, из динамиков звучала веселая музыка.

Кэти подошла к ближайшему столику с тентом, пододвинула алюминиевое кресло и села.

– Как тебе все это нравится? – спросила она, когда Рамон опустился рядом с ней.

Его взгляд разом охватил пестрое сборище.

– Забавно.

– Привет, Кэти! – окликнула Карен, появляясь из бассейна.

Она напоминала прелестную русалку. Ее тело блестело от капелек воды. Как обычно, Карен сопровождали двое безнадежных воздыхателей.

– Ты знакома с Доном и Брэдом? – спросила Карен, небрежно кивнув на мужчин.

Кэти знала их так же хорошо, как и Карен, – они жили рядом, поэтому она слегка удивилась вопросу, но потом вспомнила, что Карен никогда не помнит, кто с кем знаком. Тем более что взгляд Карен был сейчас прикован к Рамону. С необъяснимой неохотой Кэти познакомила их.

Она пыталась не заметить вспыхнувшую улыбку Рамона и блеск в зеленых глазах подруги, когда та протянула руку для пожатия.

– Почему бы вам не сбросить одежду и не поплавать? – предложила Карен, не отводя глаз от красавца атлета. – На закате здесь будет классная вечеринка. Вы могли бы остаться.

– У Рамона нет с собой плавок, – быстро отказалась Кэти.

– Это не проблема, – тут же нашлась Карен. – Брэд одолжит ему, не так ли?

Брэд, который настойчиво ухаживал за Карен уже около года, с куда большим удовольствием одолжил бы Рамону билет из города, но тем не менее вежливо предложил плавки.

– Где... – чуть ли не благоговейно выдохнула Карен, – ты нашла его? Он похож на греческого Адониса... или Адонис был блондином? Так или иначе, он похож на темноволосого греческого бога.

Кэти подавила в себе желание охладить интерес Карен к Рамону, она не сказала, что «Адонис» – всего-навсего испанский фермер. Вместо этого она произнесла:

– Мы познакомились в пятницу в «Глубоком ущелье».

– В самом деле? Что-то я там его не видела, а его невозможно не заметить. Что же он делает, кроме того, что выглядит как античный бог?

– Он... – Кэти заколебалась, но, решив избавить Рамона от возможных затруднений, сказала: – Он занимается перевозками.

– Не шутишь? – Карен бросила на Кэти внимательный взгляд. – Он только твой или и другим кое-что позволено?

Кэти не смогла сдержать улыбки от обезоруживающей откровенности Карен.

– Это имеет значение?

– Ты же знаешь, что имеет. Мы подруги. И если он твой, то пусть твоим и остается.

Зеленые раскосые глаза смотрели откровенно. У Карен своеобразная этика, она не крала у подруг мужчин. И тем не менее Кэти стало обидно, что Карен не задумываясь предположила, что может легко увлечь Рамона, и только ради их дружбы не делает этого.

– Кокетничай на здоровье, мне плевать! – ответила Кэти, хотя она этого не чувствовала. – Он весь твой, если хочешь. А я пока собираюсь переодеться.

Пока она надевала бикини, ее постепенно заполняло чувство досады: почему она не сказала Карен, чтобы та оставила Рамона в покое? И что означает то откровенное восхищение в глазах Рамона, с которым он рассматривал фигуру Карен?

Кэти стояла перед зеркалом в купальном костюме и критически изучала свою внешность. Яркая голубая ткань бикини подчеркивала великолепную фигуру во всей ее красе: полная высокая грудь, узкая талия, изящная линия бедер, длинные стройные ноги. Кэти подумала, что, вероятно, она единственная из женщин, которая может рассматривать себя, почти обнаженную, совершенно беззастенчиво. Мужчины восхищенно свистели вслед Карен Вильсон, но они замирали в молчании перед Кэти Конелли. Спокойное достоинство в наклоне головы и природная грация, с которой она двигалась, делали ее в глазах окружающих немного отстраненной, и Кэти, даже если бы и захотела, не смогла бы изменить свой образ, что, впрочем, она и не пыталась сделать. За исключением баров Кэти редко общалась с незнакомыми мужчинами. Она казалась недоступной. Как правило, когда мужчины устремляли взгляд на ее безупречную кожу и чистые голубые глаза, они видели в ней скорее классическое совершенство, чем чувственный призыв. Узнавая ее получше, они обнаруживали, что Кэти не только очень сердечная, доброжелательная, но и наделена отличным чувством юмора, и им хватало такта не вынуждать ее к резким отказам, чуждым ее природе. Они болтали с ней, смеялись и назначали

свидания, но их ухаживания обычно ограничивались мягкими шутливыми намеками, которые Кэти игнорировала, подчеркнуто улыбаясь.

Она вынула гребень из струящихся волос, тряхнула головой, чтобы придать им естественный вид, кинула последний раздосадованный взгляд в зеркало.

Вернувшись в бассейн, она нашла Рамона в шезлонге в окружении трех красоток, сидящих на полотенцах. Они явно флиртовали с ним. Под тентом расположилась Карен в обществе Брэда и Дона.

– Рамон, могу ли я присоединиться к твоему гарему? – иронически поинтересовалась Кэти, слабо улыбаясь.

Ленивая усмешка пробежала по загорелому лицу Рамона, когда он, посмотрев на девушку, поднялся, уступая ей свой шезлонг. Кэти вздохнула – судя по всему, она могла бы прийти и в пальто: Рамон не обратил на бикини никакого внимания. Он сел за столик к Карен.

Пытаясь не замечать перемены в своем настроении, Кэти начала покрывать ноги кремом для загара.

– Может, тебе помочь? – ухмыльнулся Дон.

Кэти подняла глаза с вымученной улыбкой.

– У меня не настолько длинные ноги, – сказала она.

В отличие от Брэда Дон не был очарован Карен столь сильно, чтобы не замечать других девушек. И даже слабого поощрения со стороны Кэти было бы достаточно: Дон с легкостью перенес бы свои притязания с Карен на нее.

Кэти втирала крем в левую руку, когда услышала, как Карен произнесла:

– Рамон, Кэти говорит, что ты занимаешься перевозками на транспорте.

– Да. Она так сказала? – произнес Рамон, растягивая слова и таким тоном, что Кэти остановилась и пристально посмотрела на него. Он сидел откинувшись в кресле, с тонкой сигарой, зажатой между белоснежными зубами, и вопросительно глядел на Кэти.

Она вспыхнула и поспешно отвела глаза. Карен между тем сделала все возможное, чтобы уговорить Рамона пойти поплавать, но встретила лишь вежливый отказ.

– Ты не умеешь плавать? – спросила Кэти, когда остальные покинули их.

– Кэти, Пуэрто-Рико – остров, – сухо ответил Рамон. – С одной стороны – Атлантический океан, с другой – Карибское море. Так что в Пуэрто-Рико достаточно воды, чтобы научиться плавать.

Кэти посмотрела на него в замешательстве. С того момента как он поцеловал ее в квартире, в их отношениях произошел неуловимый сдвиг. До этого от нее зависело все происходящее и она оставалась уверенной в себе. Теперь она чувствовала себя смущенной и удивительно ранимой, в то время как Рамон казался решительным и самоуверенным. Пожав плечами, она ответила:

– Я лишь хотела предложить научить тебя плавать, думала, ты не умеешь. И совсем нет необходимости раздражаться лекцией о географическом положении Пуэрто-Рико.

Не обращая внимания на ее раздраженный тон, он предложил:

– Если хочешь поплавать, пойдём.

У Кэти похолодело все внутри, когда Рамон подошел и взглянул на нее с высоты своего роста. Его грудь была покрыта легким пушком темных волос. Смущенная Кэти остановила взгляд на цепочке с серебряным медальоном, которую он носил. Потом она отвернулась и старалась не смотреть на него, пока не осознала, что Рамон и не думает отходить от нее. Когда же она наконец смогла поднять глаза, Рамон мягко произнес:

– По-моему, ты выглядишь великолепно.

Непрошенная улыбка тронула губы Кэти.

– Я думала, ты не заметишь, – сказала она, когда они подходили к бассейну.

– Я и не думал, что ты хочешь, чтобы я смотрел на тебя.

– Ты же смотрел на Карен, – вырвалось у Кэти. Она смущенно тряхнула головой и постаралась произнести следующую фразу более уверенно: – Я не это имела в виду.

– Да, – улыбнулся он. – Разумеется, не это.

Ей стало легко. Кэти непринужденно и грациозно вошла в воду. Рамон плыл около нее, без видимых усилий задавая темп. Проплыв около мили, Кэти коснулась дна. Рамон плавал еще долго, и она весело крикнула ему:

– Рисуешься!

Ловко нырнув, он исчез из виду. Кэти пронзительно взвизгнула, когда Рамон под водой обхватил ее ноги и потащил ко дну. Она всплыла на поверхность, хватая ртом воздух, глаза ее слезились от хлорки.

– Это, – тоном строгой наставницы сказала Кэти, когда над водой показалась голова Рамона, – просто ребячество. Так же, как и вот это!

Она ударила рукой по воде и плеснула ему прямо в лицо. Затем быстро нырнула, чтобы избежать расправы. В течение пятнадцати минут они соревновались в скорости, ныряли и хохотали. Обессиленная, тяжело дыша, Кэти вылезла из бассейна, опустила в кресло и протянула Рамону полотенце, которое захватила для него.

– Ты грубовато играешь, – добродушно проворчала Кэти, наклонив голову и вытирая длинные тяжелые волосы.

Рамон, который тоже тяжело дышал после их соревнований, вдруг опустил руки, как школьник, и тихо сказал:

– Я буду с тобой таким нежным, как ты захочешь.

У Кэти все оборвалось внутри, когда она поняла смысл его слов. Убеденная в том, что он говорил о любви, она опустила на живот в шезлонг и склонила голову на руки. Она вздрогнула, когда Рамон вылил лосьон для загара ей на спину и опустился на колени рядом. Кэти сжалась – руки Рамона начали медленно поглаживать ее, ритмично втирая лосьон в атласную кожу.

– Мне расстегнуть застёжку?

– Только попробуй!

Когда его руки поднялись к плечам и пальцы прошли по шее, Кэти прерывисто задыхалась – каждый дюйм ее тела трепетал под руками Рамона.

– Кэти, я волную тебя? – спросил он хриплым шепотом.

– Ты же знаешь, что волнуешь, – как будто из забытья, прошептала Кэти, не сдерживая себя. Она услышала его довольный смех и отвернулась. – А еще я волнуюсь, что ты мешаешь мне отдыхать. А я должна выйти на работу отдохнувшей.

– Ну что же, в таком случае расслабься. Я ухожу, – сказал он, поднимаясь с ее шезлонга.

Пытаясь не думать о том, что он собирается делать, Кэти решительно закрыла глаза под слепящим послеполуденным солнцем. Время от времени она слышала глубокий голос Рамона, после которого следовал взрыв женского смеха. Кто-то из мужчин что-то кричал ему. «Он, конечно же, хорошо вписался в эту компанию. А почему бы и нет! – сурово подумала она. – Привлекательное тело, красивое лицо, и если у мужчины к тому же престижная работа, что еще нужно для успеха у женщин?» Кэти с помощью маленькой лжи обеспечила Рамона и этим.

«Что же со мной происходит?» – удивлялась Кэти. У нее не было абсолютно никаких причин для жалоб. Несмотря на ее обычное недовольство окружающим миром, населенным, как ей иногда казалось, пустыми и мелкими людьми, Кэти радовалась остроумным пикировкам, которыми она обменивалась с восхищенными ею мужчинами. Ей нравилось иметь красивую одежду и хорошую квартиру. Ей льстило мужское внимание, хотя интимных отношений она избегала. На первом месте для нее была непреодолимая потребность вернуть чувство собственного достоинства и уважения к себе, которые отнял у нее Дэвид. Роб был единственным другим мужчиной, которому она разрешила бы заняться с ней любовью. К счастью, она

обнаружила, что он женат, прежде чем позволила этому случиться. Когда-нибудь появится тот, который нужен ей, и тогда уже ничто ее не остановит. Единственный. Ни при каких обстоятельствах Кэти Конелли не могла представить себя в окружении трех или четырех мужчин, знающих все интимные подробности ее тела. Такое бывало с другими женщинами и часто, но Кэти это казалось мерзким и унижительным.

– Эй, Кэти, поднимайся, – скомандовал Дон.

Кэти прищурилась, удивляясь, что сумела заснуть, и послушно села.

– Уже шесть часов. Мы с Брэдом собираемся пойти купить пива и пиццы для сегодняшней вечеринки. Взять что-нибудь покрепче для вас с Рамоном?

Послышалась ли ей презрительная насмешка в том, как он произнес имя Рамона?

– Крепче, чем пицца? Боже упаси!

Она оглянулась в поисках Рамона и увидела его, идущего к ней в обществе Карен и какой-то незнакомки.

– Здесь всю ночь будет вечеринка – танцы и все такое. Ты не хочешь остаться?

– Конечно же, он останется, Кэти, – быстро ответила Карен.

– Ну что же, замечательно, – пожала плечами Кэти.

Она будет веселиться со своими друзьями, а Рамон – с Карен или с кем захочет.

К половине десятого от нескольких ящиков пива, груды закусок и полудюжины бутылок ликера остались одни воспоминания. Лампы придавали воде бассейна переливчатый зеленый оттенок, кто-то включил музыку. Кэти, которая танцевала уже около часа, внезапно обнаружила, что Рамон далек от веселья. Он одиноко стоял, прислонившись к изгороди, окружавшей бассейн.

– Рамон, – с волнением сказала Кэти, подойдя к нему и положив руку ему на плечо. Он медленно повернулся и посмотрел на нее, и Кэти увидела, что он улыбается: он был рад ее прикосновению. Она осторожно убрала руку. – Почему ты здесь? Один?

– Мне нужно было побыть одному, чтобы подумать. А у тебя так никогда не бывает?

– Конечно, – согласилась она, – но обычно не во время вечеринки. Ты не хочешь потанцевать?

Он наклонил голову в сторону динамиков, из которых звучал голос Нейла Даймонда.

– Танцуй, я предпочитаю держать женщину в своих объятиях. Ну и, кроме того, я хотел бы дождаться очереди, чтобы потанцевать с тобой.

– Рамон, ты что, умеешь танцевать? – До этого Кэти была уверена, что он не умеет.

Отбросив сигару, он ответил:

– Да, Кэти, я умею танцевать. Я умею плавать. Я знаю, как завязывать шнурки на ботинках. У меня легкий акцент, из-за которого я кажусь тебе невежественным, но многие женщины находят его привлекательным.

Кэти окаменела. Задрвав подбородок, она уставилась ему прямо в глаза и произнесла тихо и отчетливо:

– Иди к черту.

Она намеревалась уйти, уже повернулась – и открыла рот от изумления, когда руки Рамона обхватили ее за плечи и развернули назад.

Он сказал дрожащим от ярости голосом:

– Не смей разговаривать со мной таким тоном и не ругайся. Это тебе не идет.

– Я говорю так, как мне нравится, – ответила Кэти, – и если другие женщины находят тебя чертовски привлекательным, то отправляйся к ним.

Рамон взглянул в ее неистовые голубые глаза, и непрощеная улыбка восхищения озарила его лицо.

– Маленькая злючка! – тихонько засмеялся он. – А когда ты в ярости...

– Я никакая не маленькая! – пылко прервала его Кэти. – Я около пяти футов и семи дюймов. И если ты надумал сказать мне, как я хороша в ярости, то предупреждаю тебя – я начну смеяться. Мужчины часто говорят это женщинам, потому что слышали это в каком-то нелепом фильме, и...

– Кэти, – выдохнул Рамон, прикоснувшись к ее губам своим настойчивым чувственным ртом, – ты прекрасна в ярости, и, если ты начнешь смеяться, я скину тебя в бассейн.

Нервная дрожь пробежала по телу Кэти от этого нежного и злого поцелуя. Затем он обвил руками ее талию, притянул к себе и повел Кэти в толпу танцующих пар, как только зазвучала медленная любовная песня. Когда они танцевали, Рамон что-то шептал ей своим низким голосом, но Кэти не разбирала слова. Она была поглощена своей странной слабостью, которая возникала, когда он прижимался к ней. Они двигались в такт музыке. Ее охватило страстное желание. Она хотела поднять голову и почувствовать его требовательные губы, так же, как тогда в ее квартире, и ей хотелось, чтобы его руки опять увлекли ее в то дивное забвение... В отчаянии прикрыв глаза, Кэти призналась самой себе, что хочет мужчину, которого знает всего сорок восемь часов. Она хотела этого так сильно, что была поражена и взволнована... но, в конце концов, она могла понять свое физическое влечение к нему. Но чего она не могла понять и что пугало ее, так это странное магическое притяжение, которое возникло между ними. Иногда, когда он говорил с ней глубоким неотразимым голосом или смотрел на нее темными пронзительными глазами, Кэти ощущала, как он тихо дотрагивался до нее и неумолимо притягивал ее все ближе и ближе к себе.

Кэти была в полном смятении. Забыть не удастся! Но что делать – они же полностью несовместимы! Он гордый, бедный и независимый, а она тоже горда, состоятельна – по его меркам – и независима от природы. Любые взаимоотношения между ними закончатся крахом.

Кэти, как интеллигентная, здравомыслящая молодая женщина, какой она себя считала, пришла к выводу, что лучший способ избежать опасной привлекательности Рамона – это избежать самого Рамона. Она решила держаться от него подальше на протяжении всей вечеринки и твердо отказаться от дальнейших встреч. Вместо этого, когда его губы коснулись ее виска, затем лба, Кэти, забыв, что она здравомыслящая, интеллигентная женщина, подставила ему губы, чтобы получить тот сладостный поцелуй, который, как она знала, он намерен ей подарить.

Как только закончилась песня, Кэти отодвинулась от него. С натянутой улыбкой она встретила его вопросительный, недоумевающий взгляд и беззаботно произнесла:

– Почему бы тебе не сменить партнершу и не повеселиться? Увидимся позже.

Следующие полтора часа Кэти флиртовала со всеми мужчинами, которых знала и не знала. Она была в прекрасной форме, куда бы она ни направлялась, за ней следовали мужчины, готовые танцевать, плавать, выпивать или заниматься любовью. Она смеялась, пела и танцевала. И все время знала, что Рамон последовал ее совету и развлекается в обществе четырех женщин, включая Карен, которая не отходила от него ни на шаг.

– Кэти, давай уберемся отсюда куда-нибудь в более тихое место. – Она почувствовала горячее дыхание Дона, с которым танцевала под томительную музыку.

– Я ненавижу тихие места, – объявила Кэти, выскользнув из его рук, и приблизилась к Брэду, который радостно удивился, обнаружив ее у себя на коленях. – Брэд тоже ненавидит тихие места, не так ли?

– Конечно, – хитро прищурился Брэд. – Так что давай поднимемся ко мне и нашумим вдвоем.

Кэти не слушала его. Краем глаза она следила за Карен, танцующей с Рамоном. Ее руки обвивали его шею, а тело откровенно прижималось к нему. Как ни странно, но это невинное нарушение верности причинило Кэти сильную боль. Она встала, изо всех сил изображая веселье, и потянула за собой упирающегося Брэда:

– Вставай, лентяй, и пойдем танцевать.

Брэд послушно поставил банку с пивом и влился в танцующую толпу, обнимая Кэти за плечи, а затем, пользуясь случаем, заключил ее в свои на редкость сокрушительные объятия.

– Что, черт побери, с тобой происходит? – тихо спросил он. – Ты никогда себя так не вела.

Кэти не отвечала – ей нужно было найти Карен с Рамоном, которых нигде не было. У нее стало тяжело на сердце: Рамон ушел вместе с Карен.

Прошло с полчаса, а их все не было, и у Кэти уже не было сил казаться веселой. Ей хотелось сжаться от боли, она пристально вглядывалась в танцующую толпу, отчаянно пытаясь найти высокую фигуру Рамона.

Кэти была не единственной, кто заметил исчезновение этой пары. Она танцевала с Брэдом, совершенно не обращая на него внимания. Напряженно вытянув шею, она искала Карен и Рамона, когда вдруг Брэд ошеломил ее:

– Что, нет никакого шанса повиснуть на шее у этого бабника – его утащила Карен?

– Не смей его так называть! – горячо воскликнула Кэти, вырываясь из объятий Брэда. Слезы брызнули из ее глаз, она повернулась и бросилась прочь.

– И куда же ты собралась? – раздался знакомый голос.

Кэти увидела Рамона, ее пальцы бессильно сжались.

– Где ты был?

Его брови приподнялись.

– Ревнуешь?

– Знаешь, – сказала она, – ты мне даже не нравишься.

– Ты мне тоже не нравишься сегодня, – спокойно ответил он. И вдруг спросил: – У тебя слезы на глазах. Почему?

– Потому что, – яростно прошептала Кэти, – этот ублюдок назвал тебя бабником. И он прав!

Рамон расхохотался и заключил ее в объятия.

– О, Кэти, – смеялся он, глядя ее по волосам, – да он просто вне себя от ярости – его любимая женщина пошла со мной прогуляться.

Запрокинув голову, Кэти пристально вглядывалась в его лицо:

– Вы только пошли прогуляться?

Он уже не смеялся:

– Только прогуляться. И ничего больше.

Они начали двигаться в такт музыке. Кэти доверчиво положила голову ему на грудь и отдалась томительному наслаждению – его руки ласкали обнаженные плечи и спину, затем скользнули ниже, заставляя гибкое, податливое женское тело прижаться к нему. Ладонь легла ей на затылок, чувственно лаская, затем повелительно наклонила голову назад. Сдерживая дыхание, Кэти послушно подняла лицо, принимая поцелуй. Его руки погрузились в густые, шелковистые волосы Кэти, удерживая добровольную пленницу.

Когда Рамон наконец отступил, их дыхание было прерывистым и у обоих кровь стучала в висках. Она уставилась на него и серьезно сказала:

– Я очень напугана.

– Я знаю, *querida*, – сказал он нежно. – Для тебя все происходит слишком стремительно.

– Что значит *querida*?

– Дорогая.

Кэти закрыла глаза, ее слегка покачивало.

– Когда тебе нужно возвратиться в Пуэрто-Рико?

Он долго молчал, прежде чем ответить:

– Я могу остаться еще на неделю, до воскресенья, но не дольше. Мы будем проводить каждый день вместе до моего отъезда.

Кэти была разочарована и даже не пыталась скрыть этого:

– Мы не сможем. Мне нужно поехать к родителям на День поминовения. Во вторник я не работаю, но в среду обязательно надо быть в офисе. – Ей очень хотелось провести с ним все время, которое у них осталось, и Кэти рискнула: – Может быть, поедem завтра к моим родителям?

Он замешкался, и Кэти подумала, что он прав.

– Да, это плохая мысль. Тебе они не понравятся, да и ты им, наверное, тоже.

– Потому что они богаты, а я нет? – слабо улыбнулся Рамон. – Кто знает, может быть, они мне понравятся, несмотря на их богатство.

Кэти невольно улыбнулась тому, как он легко разрешил проблему. Он уверенно притянул ее к себе. У него была обаятельная улыбка, она смягчала его зрелую красоту и придавала ему мальчишеский вид.

– Давай вернемся ко мне.

Рамон кивнул, и Кэти пошла собирать свои вещи. Тем временем он наполнил два бумажных стаканчика виски, добавил воду, лед и присоединился к ней. Когда они добрались до маленького внутреннего дворика, Кэти удивилась, что, вместо того чтобы войти внутрь, Рамон поставил стаканчики на маленький столик между двумя шезлонгами и растянулся на одном из них. Почему-то она ожидала, что они продолжат беседу в постели...

Со смешанным чувством разочарования и облегчения она свернулась клубочком напротив него в другом шезлонге. Он зажег сигару, и ее красный кончик был единственной светящейся точкой в темноте.

– Кэти, расскажи мне про твоих родителей.

Кэти сделала спасительный глоток.

– По всем стандартам мои родители весьма богатые люди. Правда, десять лет назад они не были такими. Мой отец владел всего-навсего обычной бакалейной лавкой. Его удалось уговорить взять в банке ссуду, и он расширил лавку до роскошного супермаркета. Дела пошли хорошо, и после этого он открыл еще двадцать других. Может быть, ты проходил мимо супермаркетов Конелли?

– Вполне возможно.

– Они наши. Четыре года назад отец вступил в загородный клуб «Форест Оакс». Он не так престижен, как «Олд Варсон» или загородный клуб Сент-Луиса, но членам «Форест Оакс» нравится считать его таковым, и мой отец построил крупнейший дом на территории клуба.

– Я спрашиваю о твоих родителях, а ты рассказываешь об их деньгах. Что они за люди?

Кэти попыталась быть честной и объективной:

– Они очень любят меня. Мама играет в гольф, отец много работает. Я думаю, что самым важным для них, кроме детей, является их великолепный дом с хорошей прислугой, два «мерседеса» и... и членство в загородном клубе. Мой отец очень красив в свои пятьдесят восемь, а мать выглядит всегда потрясающе.

– У тебя есть братья, сестры?

– И брат, и сестра. Я самая младшая. Моей сестре Маурин тридцать, она замужем. Отец сделал ее мужа вице-президентом корпорации Конелли, и теперь тот ждет не дожидается, когда отец уйдет в отставку. Моему брату Марку двадцать пять, он красив. Марк не так претенциозен и жаден, как Маурин. Та вечно переживает, что Марк получит часть фамильного дела, когда отец уйдет в отставку, причем несравненно большую, чем она с мужем. Теперь, когда ты знаешь самое худшее, ты все еще хочешь поехать со мной? Соберутся друзья и соседи моих родителей, а они не намного лучше.

Рамон потушил сигару и устало откинулся в шезлонге.

– Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой?

– Да, – решительно сказала Кэти. – Но с моей стороны это желание эгоистично – моя сестрица скорчит очень кислую мину, узнав, на что ты живешь. А Марк способен выкинуть черт знает что, чтобы доказать, что он не Маурин, и тем еще больше смутит тебя.

Глубоким бархатным голосом, который она так обожала, Рамон спросил:

– Но все же ты хотела бы меня взять, Кэти?

– Я... просто не знаю.

– Тогда я думаю, что мне придется поехать.

Поставив стаканчик, он встал.

Кэти, понимая, что он собрался уходить, настояла на том, чтобы он остался выпить кофе. Причина этому была проста – она сейчас не сможет вынести его уход.

Кэти принесла кофе в гостиную на маленьком подносе и села на софу рядом с Рамоном. Они пили кофе в затянувшемся и все более и более неудобном молчании. Это молчание Кэти не в силах была ни прервать, ни понять.

– О чем ты думаешь? – наконец спросила она, изучая его угрюмый профиль в неярком свете настольной лампы.

– О тебе. Вещи, важные для твоих родителей, важны и для тебя? – резко спросил он.

– Некоторые из них, полагаю, – согласилась она.

– И насколько они важны?

– По сравнению с чем?

– По сравнению вот с этим, – беспощадно прошептал он.

Его губы впелись в ее губы, заставляя их раскрыться, чтобы она впустила его настойчивый язык, затем он положил ее на софу и прижал своим телом. Кэти застонала, протестуя, и немедленно его рот смягчился. Рамон начал невыносимое утонченное обольщение, заставив Кэти извиваться в диком желании. Его язык дразнил, проникал в глубь ее рта и медленно удалялся, когда она пыталась удержать его, пока Кэти не утонула в поцелуе. Когда он хотел поднять голову, она обвила его руками за шею и задохнулась от поразительного наслаждения – он сдернул верхнюю часть бикини, освобождая ее грудь и принося ртом к розовым соскам. Рамон медленно и дразняще водил языком то вокруг одного, то вокруг другого соска, пока Кэти не захлебнулась от желания. Рамон взял себя в руки и слегка приподнялся над ней, его горящие глаза продолжали ласкать высоко поднятую грудь, соски, затвердевшие от его языка, губ, зубов.

– Кэти, прикоснись ко мне, – прошептал он.

Кэти подняла руки, медленно касаясь тонкими пальцами его мускулистой груди, глядя, как он вздрагивает, а потом расслабляется.

– Ты прекрасен, – прошептала она. Теперь ее пальцы повторяли ласки, от которых секунду назад задыхалась она.

– Для мужчины внешность не главное. – Он попытался поддразнить ее, но его голос стал хриплым от того, что ее руки делали с ним.

– Но что же я могу сделать, если ты прекрасен? Так же, как океаны и горы. – Она легкомысленно позволила своим пальцам скользнуть вниз по его телу прямо к тому месту, где начинались плавки.

– Прекрати! – хрипло приказал он.

Кэти остановилась и взглянула в его лицо, потемневшее от страсти.

– Ты прекрасен, и ты такой сильный, – прошептала она, глядя в его горящие глаза. – Но такой нежный. Я думаю, ты самый нежный из всех, кого я знаю. Я даже не знаю, почему я так решила.

Рамон уже не мог сдерживаться.

– О Боже! – простонал он.

Его губы обрушились на нее с безумной страстью, и волна желаний захлестнула ее. Руки Рамона утонули в ее густых волосах; держа ее голову, он покрывал ее губы бесконечными поцелуями. Кэти упивалась тем, как пульсировала его плоть, невыносимо сладостно давящая на нее, затем застонала от лихорадочного желаний, когда он начал медленно вращать бедра.

– Возжелай меня! – резко приказал он. – Так же сильно, как я хочу тебя.

Кэти почти рыдала от страсти, когда он внезапно отодвинулся от нее, сел и откинулся на софе, закрыв глаза.

Даже сейчас, спустя несколько минут, дыхание его было тяжелым. Она провела дрожащей рукой по растрепанным волосам и, чувствуя себя ненужной и задетой, отползла в дальний угол софы и села, поджав ноги.

– Кэти. – Его голос был мрачным и суровым. Он все еще лежал на спине и его глаза были закрыты, когда он произнес: – Я не хотел тебе говорить, когда ты была в моих объятиях и мы оба были дикими от желаний. Я вообще не хотел говорить тебе этого. И все-таки я знал уже с первого взгляда, что прежде, чем уеду, я обязательно скажу тебе...

У Кэти остановилось сердце. Он собирался сказать, что он женат, и она... Она не хочет этого знать! Как больно.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Пуэрто-Рико.

– Что? – прошептала она.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Кэти открыла рот, но только лишь спустя несколько минут смогла выговорить:

– Я не могу. У меня здесь работа, родители, друзья... Мое место здесь.

– Нет! – яростно ответил он, повернув голову и обжигая ее взглядом. – Твое место не здесь. Я следил за тобой еще тогда, в баре, и я наблюдал за тобой сегодня вечером. Ты не похожа на этих людей, твое место не здесь.

Он увидел, как от растущего беспокойства у нее расширились глаза, и протянул к ней руки.

– Иди ко мне! – мягко произнес он. – Я хочу, чтобы ты была в моих объятиях.

Слишком ошеломленная, чтобы не повиноваться, Кэти прижалась к нему, положив голову ему на плечо. Он нежно продолжал:

– Ты так непосредственна, ты не похожа на тех людей, которых называешь своими друзьями.

Кэти медленно покачала головой:

– Ты не знаешь меня. Ты не можешь серьезно хотеть жениться на мне.

Он коснулся ее подбородка, запрокинул ей голову и улыбнулся, глядя в растерянные голубые глаза.

– Помнишь, ты бросила цветок, который я тебе преподнес, на землю, и я увидел слезы стыда у тебя на глазах. Тогда я узнал тебя всю. Мне тридцать четыре года, и я точно знаю, чего хочу. – Он прильнул к ней в страстном поцелуе. – Стань моей женой, Кэти! – прошептал он.

– Ты не мог бы... не мог бы остаться в Штатах, в Сент-Луисе? Мы бы узнали друг друга лучше. Может быть, позже...

– Нет, – ответил он решительно. – Я не могу.

Он встал, и Кэти поднялась с ним вместе.

– Не отвечай мне сейчас. У тебя есть время подумать. – Он взглянул на маленькие часы около лампы. – Уже поздно. Мне нужно переодеться и еще сегодня надо сделать одну работу. Во сколько тебе завтра можно позвонить, чтобы поехать к твоим родителям?

Обескураженная, Кэти назначила ему время.

– Да, мама говорила о барбекю, так что можешь ехать в джинсах.

Когда он ушел, Кэти машинально убрала чашки, выключила лампу и разделась. Наконец она легла и, уставясь в потолок, попыталась разобраться в том, что произошло. Рамон хотел,

чтобы она стала его женой и уехала в Пуэрто-Рико! Это абсолютно невозможно, абсолютно. Просто бред какой-то! Она перевернулась на бок, все еще чувствуя его руки, ласкающие ее с неистовой нежностью, его жадный и настойчивый рот. Ни один мужчина не мог заставить ее тело так трепетать. Нет, дело было не в технике, о которой так много болтают, а в силе чувства. Для Рамона естественно всего себя бросать в любовный поток, его сдержанность и надменность скрывают бешеный темперамент, он настоящий мужчина, мужчина-властелин.

«Забавно», – думала Кэти, но ей нравилось, что он подавлял ее. Как тихо он приказал ей: «Подойди, Кэти!» – и заключил в объятия. Это пьянящее сочетание властности и нежности! Кэти закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Если Рамон даст ей время на раздумье, возможно ли, чтобы она согласилась стать его женой?

«Конечно же, нет!» – ответил ее разум. Но сердце? Сердце шепнуло: «Может быть».

Почему, удивлялась Кэти, почему она вообще должна думать о замужестве? Ответ был прост – он был в том странном чувстве, которое возникало, когда они смеялись или болтали, как старинные друзья, в непостижимом ощущении, что, невзирая ни на какие логические доводы, они прекрасно подходят друг другу, в том глубоком чувстве, что исходило от него и находило отклик в ее душе. И этот магнетизм, который медленно, но неумолимо притягивал их друг к другу...

И сразу же разум Кэти стал противиться ее эмоциям. Если она настолько глупа, что позволит себе выйти замуж за Рамона, то должна будет жить только на его доходы. А уж этого она себе совсем не могла представить, хотя деньги и не дали ей абсолютного счастья. К тому же он – испанец, привыкший к женскому повиновению. Но несмотря на всю свою властность, он тонок и способен ее понять. Кэти громко застонала, осознав до конца, в какую ловушку она попала. Она закрыла глаза и погрузилась в болезненный, беспокойный сон, в котором логика и чувства продолжали бороться.

Глава 5

Кэти провела следующее утро в мрачных предчувствиях. Появиться у родителей с Рамон! Над предложением руки и сердца она старалась даже не думать. Неприятностей и без того ожидалось предостаточно. А вдруг они оскорбят его? Маурин явно забыла, что Конелли не всегда были богачами. Лучше сказать – очень постаралась забыть. С родителями дело не так плохо – они вежливы... Да, пока не почуют, что пахнет жареным. А уж если они заметят, что их драгоценная дочка влюблена... Это будет похуже, чем колкости и гримасы Маурин. Кэти поежилась, представляя художественное развитие темы о проходимцах и богатых невестах.

Рамон появился ровно в половине четвертого. Кэти впустила его в квартиру с бодрой улыбкой, которая если и ввела его в заблуждение, то ненадолго. Заключив ее в объятия, он поднял ее подбородок, посмотрел в глаза и сказал с мрачным юмором:

– Кэти, мы не собираемся атаковать неприступную крепость. Мы собираемся только лишь познакомиться с твоей семьей.

Его поцелуй был нежным и утешающим, и когда он ослабил объятия, Кэти почему-то почувствовала себя увереннее, и это чувство не ослабевало, пока они не въехали через каменные ворота в загородный клуб «Форест Оакс» и не остановились около дома ее родителей.

Дом с белыми колоннами, окруженный ухоженным газоном, представлял собой величественное сооружение. К парадному подъезду вела широкая дорога. Кэти ожидала, что Рамон восхитится или хотя бы удивится, но он только небрежно скользнул по зданию взглядом, как будто видел тысячу таких, и обошел машину, чтобы помочь ей выйти. Он так ничего и не сказал, пока они не прошли половину пути по аллее, выложенной кирпичом и ведущей к массивным входным дверям. Какой-то бесенок заставил Кэти отвести в сторону взгляд, полный странной насмешки, и спросить:

– Ну, как тебе?

Она засунула руки в задние карманы джинсов и сделала еще четыре шага, прежде чем поняла, что не только не получила ответа от Рамона, но что он вообще остановился.

Повернувшись, Кэти обнаружила, что он пристально ее изучает. Его взгляд неторопливо перемещался сверху вниз, выразительно задержался на ее губах и великолепной груди, затем исследовал грациозные линии талии и бедер, пробежал по длинным стройным ногам, остановился на сандалиях и опять вернулся к лицу.

– Мне кажется, – сказал он с тихой серьезностью, – что твоя улыбка может осветить темноту, а когда ты смеешься, твой смех звучит словно музыка. А твои волосы – как тяжелый шелк, светящийся в лучах солнца.

Завороженная этим глубоким голосом, Кэти замерла, чувствуя, как ей становится жарко.

– Я думаю, что у тебя самые голубые глаза, которые я когда-либо видел, и мне нравится, что они светятся, когда ты счастлива, и темнеют от желания... ко мне, разумеется. – Озорная усмешка раздвинула его губы, когда он взглянул еще раз на ее грудь, подчеркнутую бессознательно вызывающей позой. – И мне нравится, как ты выглядишь в этих брюках. Но если ты не вытащишь руки из карманов, я утащу тебя назад в машину и тоже суну туда руки.

Кэти медленно вытащила руки, пытаясь унять дрожь, вызванную его полукомплиментом-полунасмешкой.

– Я имела в виду, – сказала она охрипшим голосом, – что ты думаешь о доме?

Он взглянул на него и тряхнул головой:

– Прямо как из «Унесенных ветром».

Кэти нажала кнопку дверного звонка.

– Кэти, дорогая! – сказала ее мать, крепко обнимая ее. – Заходи. Все уже собрались.

Она улыбнулась Рамону, стоящему рядом с Кэти, и изящно протянула ему руку, когда Кэти представила их друг другу.

– Мы рады видеть вас, мистер Гальварра, – сказала она с безупречной учтивостью.

Рамон ответил, что он счастлив быть в их доме, и Кэти, которая стояла затаив дыхание, почувствовала, как напряжение спадает. Когда мать ушла, извинившись, Кэти показала Рамону дом. Затем они оказались на прекрасной лужайке, где пили, смеялись и болтали гости ее родителей.

Кэти была уверена, что они приехали на барбекю, но в действительности это оказалось пышным приемом с коктейлями, который заканчивался ужином на тридцать человек. Рамон был единственным мужчиной, одетым в джинсы, и Кэти подумала, что он выглядит весьма экстравагантно – но великолепно! Она с веселой гордостью отметила, что она не единственная женщина, которая его оценила. Друзья ее матери откровенно восхищались высоким темноволосым мужчиной, который шел рядом с ней, когда они кочевали, здороваясь, от одной группы гостей к другой. Кэти представляла его тем друзьям своих родителей, которых знала сама, наблюдая, как Рамон покоряет женщин ослепительной улыбкой и обаянием. Этого она и ожидала. Чего она не ожидала, так это его свободы в общении с преуспевающими бизнесменами. В каком таинственном прошлом Рамон приобрел этот светский лоск и спокойную учтивость, которые поразили Кэти? Он вел себя крайне непринужденно, свободно говорил на любые темы, начиная со спорта и кончая внутренней и внешней политикой. Кэти в этом никогда не разбиралась, особенно во внешней политике, и преисполнилась к нему уважения.

– Ты прекрасно осведомлен в международной политике, – заметила она, когда они остались на какое-то время вдвоем.

Рамон уклончиво улыбнулся:

– Я умею читать, Кэти. – Сдержавшись, Кэти отвернулась, и Рамон, угадав ее невысказанный вопрос, добавил: – Этот прием такой же, как многие другие. Где бы мужчины ни собирались, они обсуждают бизнес, если они все заняты в одной области. Если же нет, то обсуждают или спорт, или политику, или международные дела. Так всюду.

Кэти не совсем была удовлетворена его ответом, но решила продолжить этот разговор в другое время.

– Кажется, я просто ревную, – заметила она позже со смехом, когда сорокалетняя матрона с двумя взрослыми дочерьми завладела Рамоном на целых десять минут.

– Почему? – удивился Рамон. – Ведь все как обычно.

И это заставило Кэти подумать, что он привык к женскому восхищению.

– Потом они потеряют ко мне всякий интерес, как только обнаружится, что я простой фермер.

К несчастью, это было во многом правдой, что и тревожило Кэти. Обнаружилось это два часа спустя.

Гости сидели в богато обставленной гостиной, наслаждаясь великолепным ужином, когда сестра Кэти спросила с другого конца длинного стола:

– Чем вы занимаетесь, мистер Гальварра?

Кэти показалось, что звон столового серебра по английскому фарфору сразу же стих и все разом прервали беседу.

– Он занимается перевозками и бакалеей, – сымпровизировала она быстрее, чем Рамон смог ответить.

– Перевозками? Какими перевозками? – настойчиво повторила Маурин.

– А какие существуют? – уклонилась от ответа Кэти, уничтожающе смотря на сестру.

– Ты сказала, бакалея? – Брови мистера Конелли взлетели вверх с явным интересом. – Оптовая торговля или розничная продажа?

– Оптовая, – поспешно вставила Кэти, не дав Рамону даже рта раскрыть.

Рамон наклонился к ней, очаровательно улыбнулся и сказал громким, беспощадным голосом:

– Помолчи, Кэти, иначе все подумают, что я не умею говорить.

– Оптовая? – задумчиво переспросил мистер Конелли. Он всегда был рад поговорить о бакалейном бизнесе. – И чем же именно – распределением или распространением?

– Нет, выращиванием, – спокойно ответил Рамон, сжимая холодную руку Кэти под столом и тем самым извиняясь за то, что говорил с ней таким тоном.

– Я полагаю, акционерное общество? – спросил отец. – И большое?

Отрезая себе нежный кусочек телятины, Рамон ответил:

– Это маленькая ферма.

– Вы хотите сказать, что вы фермер? – допрашивала Маурин таким тоном, как будто это сообщение ее лично оскорбляло. – В Миссури?

– Нет, в Пуэрто-Рико.

Марк, брат Кэти, вмешался в разговор немедленно и неудачно:

– Джейк Настерс на прошлой неделе рассказал мне, что однажды нашел в партии ананасов паука из Пуэрто-Рико, который был вот таких размеров...

Один из гостей, которого, очевидно, не интересовали пауки, прервал неуклюжий пассаж Марка, обратившись к Рамону:

– Гальварра – это испанская фамилия? Я что-то слышал о каком-то Гальварре, но не могу вспомнить.

Кэти скорее почувствовала, чем увидела напряжение Рамона.

– Это довольно редкая фамилия. А имя мое достаточно обыкновенное.

Кэти улыбкой извинилась перед Рамоном. Но потом она перехватила взгляд матери, в котором было не просто раздражение, и внутри ее все сжалось.

Дальше было еще хуже, и ко времени отъезда настроение у Кэти стало совсем мрачным. Ее родители вежливо попрощались с Рамоном у дверей, но Кэти заметила тревогу в глазах матери, когда она провожала его взглядом. Не говоря ни слова, она старалась показать Кэти и, несомненно, Рамону, что не одобряет ни его, ни их дальнейших отношений.

Когда Рамон с Кэти уезжали, семилетний сын Маурин дернул мать за юбку и громко сказал:

– Мам, этот тип что – неотесанная деревенщина? Он в джинсах приперся.

– Пожалуйста, не употребляй таких слов!

Рамон вел машину молча, погруженный в размышления.

– Не расстраивайся, это я виновата, что предложила тебе надеть джинсы. – Кэти смогла заговорить, только когда они подъехали к ее дому. – Могу поклясться, что две недели назад мама говорила о барбекю.

– Это не важно, – сказал Рамон, – одежда не влияет на сущность людей.

Кэти не поняла, что он имел в виду, говорил ли о себе или о своих обидчиках.

– Я прошу прощения за поведение Маурин, – начала она снова.

– Кэти, можно подумать, что ты в чем-то виновата. Человек не может извиняться за другого. Смешно даже пытаться.

– Я понимаю, но это моя сестра, а мои родители...

– Любят тебя, – закончил за нее Рамон. – Они хотят видеть тебя счастливой, с надежным будущим и всем тем, что оно включает. К несчастью, как большинство родителей, они уверены, что твое счастье именно в этом надежном будущем. А если оно не будет таким, то, по их мнению, ты не будешь счастлива.

Кэти была поражена, что он защищает ее родителей. Уже у себя в квартире она в недоумении всматривалась в его загадочное смуглое лицо.

– Кто ты? – спросила она. – Ты защищаешь моих родителей, хотя прекрасно знаешь, что, если я решусь поехать с тобой в Пуэрто-Рико, они сделают все, чтобы этого не случилось. Сегодня казалось, что тебя забавляли, а не поражали люди, с которыми ты познакомился. Дом моих родителей – богатый дом, а ты его едва заметил. Ты говоришь по-английски с акцентом, но твой словарный запас больше, чем у большинства людей с университетским дипломом. Так кто же ты?

Рамон положил руки на ее напряженные плечи и тихо произнес:

– Я – тот, кто хочет увезти тебя от всего, что ты знаешь, от этих людей, которые любят тебя. Я – тот, кто хочет взять тебя в странную страну, где тебе придется трудно без языка. Я – тот, кто хочет ввести тебя в дом, где он родился. Дом с четырьмя комнатами, которые чисты, но не более того. Я – тот, кто понимает, что очень эгоистично с моей стороны мечтать об этом. Но тем не менее я попытаюсь это сделать.

– Почему? – прошептала Кэти.

Он наклонил голову и теплыми губами скользнул по ее губам:

– Потому что я верю, что смогу дать тебе счастье. Больше счастья, чем ты когда-либо мечтала.

Невероятно взволнованная нежным прикосновением этих губ, Кэти все же возразила:

– Но как я могу быть счастливой, живя в убогом доме, среди чужих людей? Даже поговорить ни с кем не смогу!

– Я объясню тебе позже, – внезапно улыбнулся он. – А сейчас я надена плавки, свои собственные, а не взятые взаймы.

– Ты... ты хочешь поплавать? – запнулась Кэти, не веря.

Улыбка Рамона была совершенно недвусмысленной.

– Я хочу, чтобы на тебе было как можно меньше одежды и, главное, чтобы мы были в уединенном месте. А это возможно лишь в бассейне.

Кэти пошла в спальню, быстро скинула одежду, надела необычайно яркое желтое бикини и придирчиво посмотрела на себя в зеркало.

Это был самый откровенный наряд из всех, которые ей случалось носить: две очень узкие полосочки материи, которые подчеркивали каждый изгиб ее тела. Ей бы никогда не хватило мужества появиться в нем раньше, но сегодня это казалось возможным. Почему-то Рамон вздумал держать ее на расстоянии, но, упрямо решила Кэти, она сумеет его переубедить. Она расчесывала волосы до тех пор, пока они не заискрились, и вышла из спальни, как раз когда Рамон появился из ванной. Он переоделся в черные плавки, они так подчеркивали его великолепное тело, что у Кэти пересохло во рту.

Тем не менее его реакция была неожиданной. Темные глаза обежали ее обнаженное тело с головы до ног.

– Переоденься, – произнес он таким резким тоном, которого она никогда от него раньше не слышала. И запоздало добавил: – Пожалуйста.

– Нет! – твердо ответила Кэти. – Я не собираюсь переодеваться. С какой стати?

– Потому что я прошу тебя об этом.

– Ты не просишь, а приказываешь, и мне это не нравится.

– Теперь я прошу, – по-прежнему упорствовал Рамон. – Пожалуйста, переоденься.

Кэти бросила на него уничтожающий взгляд:

– Я надела бикини, чтобы поплавать.

– Тогда я не пойду с тобой.

Внезапно Кэти почувствовала себя вульгарной обнаженной девкой, и она обвинила Рамона в своем унижении. Кэти вернулась в спальню, сняла желтое и надела зеленое бикини.

– Спасибо, – тихо поблагодарил ее Рамон, когда она вернулась в гостиную.

Кэти была слишком зла, чтобы говорить. Она рывком открыла стеклянную дверь во внутренний дворик, прошла через ворота и спустилась к бассейну, который был почти пуст. Ведь большинство людей праздновало сейчас со своими семьями День поминовения. Кэти изящно опустилась в шезлонг, не обращая внимания на Рамона, который стоял и смотрел на нее, держа руки на бедрах.

– Ты пойдешь плавать? – спросил он.

Кэти отрицательно покачала головой, стиснув зубы.

Усевшись в кресло напротив нее, Рамон прикурил одну из тех тонких сигар, запах которых ей так нравился, и нагнулся вперед, положив руки на колени.

– Кэти, выслушай меня.

– Я не хочу тебя слушать. Мне не нравится то, что ты говоришь.

– Все равно тебе придется это сделать.

Кэти наклонилась к нему так поспешно, что ее длинные волосы рассыпались по плечам.

– За этот вечер, Рамон, ты уже второй раз говоришь, что мне надо делать, и это мне не нравится. И если раньше мне хотелось стать твоей женой – пусть я знаю, что это невозможно, – то последние двадцать минут мне этого совсем не хочется. – Она поднялась на ноги, радуясь ощущению своего превосходства – это было новое чувство в их отношениях. – Только для спасения нашего вечера, нашего последнего вечера вместе, я пойду поплавать. Я уверена – именно это ты прикажешь мне сейчас сделать.

Три широких стремительных шага – и Кэти в бассейне. Несколько секунд спустя она задела рукой Рамона, который вспенивал воду рядом. Кэти плыла очень быстро, но не удивилась, когда он легко догнал ее. И когда он прижал к себе ее сопротивляющееся, неподатливое тело, она тоже не удивилась.

– Рамон, в бассейне еще четыре человека. Отпусти меня.

– Кэти, ты не могла бы помолчать и дать мне...

– Ты приказываешь уже в третий раз! – вышла из себя Кэти. – Убирайся!

– Черт побери! – услышала она в ответ. Рамон запустил руку в ее волосы и, повернув ее голову к себе, накрыл губы Кэти грубым поцелуем.

Кэти вырвалась и вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Мне это не понравилось, – сухо заметила она.

– И мне тоже, – ответил он. – Пожалуйста, выслушай меня!

– Придется! Мне некуда деться – мы посреди бассейна.

Рамон не обратил внимания на ее злой тон:

– Кэти, у меня дух захватило, когда я увидел тебя. Если ты выслушаешь, я объясню, почему мне не хотелось, чтобы ты была так одета. Вчера мужчины перешептывались: неужели я спал с их «весталкой»? Они тебя так называют.

– Как? – переспросила Кэти с отвращением в голосе.

– Весталкой. Они тебя так зовут, потому что никто из них не спал с тобой.

– Тебя это удивляет, да? – с горечью произнесла Кэти. – Ты ведь думаешь, что с такими тонкими полосочками ткани на теле можно быть только шлюхой.

– Я очень горд тобой, – тихо прервал он.

Наконец-то они доплыли до того места, где Кэти смогла встать на ноги. Она ткнулась лицом в его грудь:

– Мне не хочется разочаровывать тебя, но и обманывать тоже. Я не девственница.

Она увидела, какое сильное впечатление произвели ее слова. Подбородок у него напрягся, но заговорил он о другом:

– Пусть это прозвище произносят шутливо, но оно свидетельствует об уважении. Но если ты появишься здесь в этих ленточках – на тебя накинутся, как свора кобелей на суку во время течки.

– Мне плевать на то, что они думают! И, – мрачно предупредила Кэти, когда он попытался открыть рот, – если ты прикажешь мне не ругаться, я тебя утоплю!

Он ослабил объятия. Кэти поплыла к лестнице, выбралась из бассейна и побежала домой.

Оказавшись у себя, она хотела запереться, но одежда Рамона была здесь, поэтому она закрыла только дверь своей спальни. Через полчаса, когда она уже приняла душ и лежала в постели, постучал Рамон. Кэти очень хотелось открыть дверь и позволить Рамону обнять ее. Достаточно было одного его прикосновения, и – она отказывалась что-либо понимать в своем поведении – она таяла и готова была уступить всем его желаниям.

– Кэти, перестань глупить и открой дверь!

– Я думаю, ты сам сможешь взять свои джинсы и убраться, – холодно сказала Кэти. – А мне нужно спать. – И она выключила лампу на ночном столике.

– Кэти, ради бога, не поступай так с нами!

– Пожалуйста, не объединяй себя и меня. «Нас» нет и никогда не было, – отрезала она. И, желая причинить ему боль, добавила: – Я не знаю, почему ты хочешь жениться на мне, но хорошо знаю, почему я не могу стать твоей женой. Пожалуйста, уходи! Я на самом деле считаю, что так будет лучше для нас обоих.

После этих слов в квартире наступила полная тишина. Кэти подождала некоторое время, затем осторожно открыла дверь спальни. Рамон ушел, потушив свет и закрыв за собой дверь. Она вернулась в спальню, села в постели, облокотившись на подушки, и включила лампу.

Какой она избежала опасности! Ну, не очень серьезной – ей и в голову не приходило выйти замуж за Рамона. В его объятиях она, правда, теряла голову – это верно. Но такое в ее возрасте случается, и Кэти Конелли не исключение. Но если она была ближе к капитуляции, чем ей казалось?

Ее работа не была такой уж интересной, мужчины, которых она знала, казались поверхностными и эгоистичными. А Рамон был полной противоположностью им. Он выполнял каждый ее каприз – в зоопарке он шел туда, куда она хотела. Если она уставала, он настаивал, чтобы она села и отдохнула. Если она задерживала взгляд на пирожках или мороженом, он тут же интересовался, не проголодалась ли она или не хочет ли она пить. Если она хотела плавать – он плывал. Если она хотела танцевать – он танцевал. «И при этом обнимал меня всегда», – напомнила она себе улыбаясь. Он никогда не позволял ей нести самой даже легкую сумку. Он учтиво открывал перед ней дверь и пропускал вперед, а не позволял двери захлопываться перед ее носом, как это делали многие ее знакомые. Они, казалось, говорили: «Ты, женщина, мечтала о равноправии, вот и открывай дверь сама!»

Кэти тряхнула головой. Что же с ней происходит, если она думает выйти замуж за человека только потому, что он нес ее сумку и открывал перед ней дверь? Но в Рамоне было нечто большее, чем эти мелочи. Он был так уверен в своей мужской силе, что не боялся быть нежным.

Мысли Кэти потекли в другом направлении. Если он на самом деле простой бедный фермер, то откуда он знает, как надо вести себя в обществе, за изящно накрытым столом? С какой естественностью он использует бесчисленные столовые приборы – а ведь это целая наука! И с богатыми друзьями ее родителей он держался непринужденно, на равных. И если он собирается жениться на ней, то почему до сих пор с ней не переспал? Прошлой ночью, на софе, он хорошо понимал, что она не в состоянии отказать ему ни в чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.